

22

Шиф

приключения фантастика

ПУНКТУАЛЬНЫЙ как всегда, Эркюль Пуаро входит в небольшую комнатку, когда начинают быть часы. Его секретарша мисс Лемон уже ждет распоряжений на день. Мисс Лемон – синий чулок. В свои 48 лет она исключительно прилежна и трудолюбива, но, увы, в то же время совершенно лишена всякого воображения.

– Добрый день, мадемуазель Лемон.

– Добрый день, месье Пуаро.

В это утро Пуаро изменил своей привычке. Вместо того, чтобы заняться делами, он взял газету и внимательно просмотрел ее. Огромный заголовок на первой полосе просто лез в глаза: «Тайна испанского сундука. Последние подробности».

– Полагаю, что вы прочли утреннюю газету, мадемуазель?

– Да, месье. Новости из Женевы не слишком радуют.

Пренебрежительным жестом Пуаро отмахнулся от новостей из Женевы.

– Испанский сундук, – пробормотал он. – Вы можете мне сказать, что это за штука?

– По всей вероятности, мебель из Испании, месье.

– Вполне логично. А что еще?

– Скорее всего, это сундук елизаветинских времен. Вспомнила! Большой и с медными украшениями. Выглядит очень симпатично. Моя сестра как-то купила такой сундук на распродаже. Теперь держит в нем разные покрывала, наволочки, скатерти и тому подобное. Великолепная вещь!

– Не сомневаюсь, что вся мебель у вашей сестры подобрана со вкусом и поддерживается в отменном состоянии, – заметил Пуаро.

Мисс Лемон ответила с горечью, что в наше время прислуга совершенно не умеет пользоваться полировочными жидкостями, когда наводит лоск на мебель, – все получается как-то тускло и с разводами. Пуаро слегка ошеломили эти подробности. Но он тут же снова взялся за газету и несколько раз перечел упоминаемые там имена: майор Рич, мистер и миссис Клейтон, капитан фрегата Макларен, мистер и миссис Спенс. Для него это были, естественно, просто имена, но – ему ли не знать! – за ними стояли живые люди со своими страстями: любовью, ненавистью, страхом, отчаянием. К этой драме Эркюль Пуаро не имел никакого отношения, он не знал этих людей. И все же эта история его очень заинтересовала: пять человек вечером собрались в одной комнате, к стене которой был приставлен испанский сундук. Пять человек разговаривали, поднимали бокалы и с аппетитом поедали закуски, ставили пластинки на проигрыватель, танцевали, а шестой в это время лежал в сундуке мертвым...

«Э-эх, – с грустью подумал Пуаро, – как бы сейчас разыгралась фантазия моего друга Гастингса! Какие неве-

роятные версии он бы выдвигал! Ах, этот Гастингс, как мне его недостает сегодня...»

Пуаро глубоко вздохнул и перевел взгляд на один из снимков в газете. Клише фотографий в газете обычно отвратительны, но здесь было приятное исключение... Какое лицо у этой миссис Клейтон, супруги жертвы!

Детектив протянул газету секретарше.

– Посмотрите, – сказал он. – Посмотрите хорошенько на это лицо.

Мисс Лемон подчинилась, но с полным равнодушием.

– Намного походит на жену директора банка в Кройден-Хит, в те времена, когда я жила там.

– Интересно, – сказал Пуаро – Буду признателен, если вы расскажете мне об этой даме.

– Это не очень приятная история, месье.

– Я почему-то так и подумал. И все же расскажите, пожалуйста.

– Тогда там много говорили о миссис Адамс и одном молодом художнике. Однажды мистер Адамс заполучил пулю в лоб. Да, месье, именно так говорили.

– А что же его супруга?

– Она не захотела выйти замуж на бедного художника. Так тот отравился! И представьте, миссис Адамс в конце концов все же вышла замуж. За богатого адвоката. Кажется, были и другие истории у этой дамы, но я уже уехала из Кройден-Хит, поэтому больше ничего не знаю.

Выслушав этот довольно бессвязный рассказ, Эркюль Пуаро с серьезным видом покачал головой и спросил:

– Она была красивой?

– Хм... Не то чтобы красива, но что-то в ней было...

– Правильно! Кое- что такое, чем обладали и обладают искусительницы в нашем мире! Троянская Елена или Клеопатра...

– Скажу откровенно, месье Пуаро, я никогда не задумывалась над всем этим, потому что подобные суждения мужчин кажутся мне смешными. Было бы много лучше, если бы люди больше занимались работой и меньше всякой ерундой.

Мисс Лемон решительно сунула лист бумаги в пишущую машинку.

– Таково ваше мнение, – констатировал Пуаро. – И сейчас вы хотите заняться работой. Но позвольте вам заметить, мадемуазель, что ваша работа состоит не только в ведении корреспонденции, сортировке бумаг и ответах по телефону. Со всем этим вы справляетесь отлично. Но вы должны также помогать мне, когда в этом есть необходимость.

– Разумеется, месье, – встрепенулась мисс Лемон. – Что я должна сделать?

– Этот случай, – Пуаро ткнул пальцем в газету, – меня заинтересовал. Буду очень признателен, если вы просмотрите все статьи о нем, появившиеся в утренних газетах, и сделаете для меня справку. Потом то же проделайте и с вечерними выпусками. Точно изложите факты, только факты.

– Хорошо, месье.

С грустной усмешкой Пуаро вошел в свой кабинет.

«Какая ирония судьбы! – сказал он себе. – После милого мне Гастингса эта Лемон! Большого контраста просто невозможно представить. Как бы сейчас радовался мой

бедный друг! Ходил бы взад и вперед по комнате и делал самые романтические и самые невероятные предположения, веря как евангельским истинам самому крохотному словечку в газетах. Я уверен, что эта бедная Лемон недовольна моим поручением. Но тут уж ничего не поделаешь...»

На другой день секретарша преподнесла ему кипу исписанных страничек.

– Это требуемые сведения, месье... Но... не знаю, можно ли им верить. Мнения газетчиков большей частью противоположны. Не могу гарантировать большой точности изложенных тут данных.

– Очень жесткая оценка, – пробормотал Пуаро. – Все же благодарен вам, мадемуазель, за ваши труды.

ВОТ какие факты он узнал. Майор Чарльз Рич, богатый холостяк, пригласил к себе на ужин друзей: мистера Клейтона с супругой, мистера Спенса с супругой и капитана фрегата Макларена. Последний давно дружил с семьей Клейтон и с майором. Спенсы в этой компании были сравнительно недавно. Арнольд Клейтон работал в министерстве финансов, Джереми Спенс также был чиновником. Что касается возраста мужчин, то Ричу – 48 лет, Арнольду Клейтону – 55, Джереми Спенсу – 37, а Макларену – 46. О миссис Клейтон репортеры говорили, что она «намного моложе супруга». Клейтон не смог прийти на дружеский ужин, так как в последний момент его вызвали по срочному делу в Шотландию. Ему надо было выехать поездом в 20.15 с вокзала Кинг-Кросс.

Ужин ничем не был омрачен, прошел в меру весело, в меру хмельно. Разошлись в 23.45. Вся четверка гостей уехала на одном такси. Макларен вышел у своего клуба, а супруги Спенс проводили миссис Клейтон до Кардиген-гарденс, после чего поехали к себе домой, в Челси.

Страшное открытие сделал слуга Рича, Вильям Борджес, на другое утро. Он живет отдельно, поэтому пришел рано утром, чтобы навести порядок в квартире. Хозяин, естественно, еще спал и, прежде чем приготовить ему завтрак, Борджес решил прибраться в гостиной. Его внимание привлекло большое темное пятно на светлом ковре у сундука. Он приподнял крышку, чтобы заглянуть внутрь, и к своему ужасу обнаружил там труп мистера Клейтона с перерезанным горлом. Борджес тут же выскочил на улицу в поисках полицейского, который обычно дежурил неподалеку от их дома.

Полиция поспешила уведомить о случившемся миссис Клейтон, которая, по словам газет, была «очень огорчена». В последний раз она видела своего супруга в начале седьмого вечера, перед тем как поехать на ужин к майору Ричу. Он пришел домой очень расстроенный срочным вызовом в Шотландию. Там ему предстояло решить какой-то неотложный вопрос, связанный с продажей недвижимости. Репортеры писали, что благородный Клейтон не пожелал портить вечер в компании у майора. После этого Клейтон поехал в клуб. Там выпил рюмку с приятелем Маклареном, которому сказал, что до отъезда попытается навестить Рича, поскольку не может дозвониться. Макларен предложил передать его излияния майору, но Клейтон, человек очень щепетильный, пожелал сделать это лично.

По словам Вильяма Борджеса, Клейтон заехал к ним примерно в половине восьмого. Хозяина дома не было, но он должен был вернуться с минуты на минуту. Борджес предложил гостю подождать, но тот так спешил – до поезда оставалось меньше часа, – что решил оставить Ричу записку. Слуга отвел Клейтона в гостиную и вернулся на кухню готовить сандвичи для приема. Он слышал, как вернулся хозяин, но увидел его только минут через десять, когда тот открыл дверь кухни и отдал Борджесу распоряжение купить особые сигареты для миссис Спенс. Слуга поручение выполнил и через какое-то время принес сигареты в гостиную. Мистера Клейтона там, конечно, и в помине не было.

Рассказ майора Рича был прост. Когда он вернулся домой, гостиная была пуста. Он даже не знал, что заезжал Клейтон – слуга ему ничего не сказал. Не оставил Клейтон и какой-либо записки. Об отъезде его в Шотландию майор узнал позже, когда собирались гости.

Миссис Клейтон, удрученная происшедшим, покинула свою квартиру на Кардиген-гарденс. Газеты высказывали предположение, что она решила провести несколько дней у одной из своих подруг, чтобы не досаждали репортеры и любопытные знакомые.

Майор Чарльз Рич, обвиненный в убийстве Арнольда Клейтона, был взят под стражу.

– Этого и нужно было ждать, – сказал Пуаро, взглянув на мисс Лемон. – Я имею в виду арест. Необыкновенный случай! И каково ваше мнение, мадемуазель?

– Иногда случается и такое, – равнодушно ответила мисс Лемон.

– Иногда – не то слово! – с жаром возразил Пуаро. – Такие драмы случаются часто. Но они, как правило, объяснимы. А здесь полный мрак. Необыкновенная история!

– Действительно неприятная, – вяло поддакнула секретарей.

– В самом деле, не очень приятно, если тебе перерезают горло и прячут в сундук! – неожиданно взъерепенился детектив. – Но когда я назвал эту историю необыкновенной, я имел в виду другое – странное поведение майора Рича.

– Говорят, – поджала губы мисс Лемон и на лице ее появилась гримаса брезгливости, – говорят, что майор Рич и миссис Клейтон были... э-э... интимными друзьями. Но так как это только предположение, а не установленный факт, я его не упомянула в своем отчете.

– Это делает вам честь. Нет ли еще чего-нибудь такого, что вы решили не сообщать мне?

Мисс Лемон с непроницаемым видом качнула головой.

– Что ж, задержимся немного на этой версии, – продолжал Пуаро. – Майор влюблен в миссис Клейтон? Ладно, предположим. Допустим, что и миссис Клейтон питает к нему нежные чувства. И что же? Майор вознамерился избавить ее от нелюбимого мужа, который, возможно, не желал дать ей развод?

Пуаро вопросительно посмотрел на секретаршу, но та хранила молчание.

– Говорят, что военные не славятся большим умом. Можно ли сказать это и о майоре? Нет, едва ли он так глуп, чтобы совершить безумный поступок. Что вы думаете на этот счет?

Мисс Лемон по-прежнему безмолвствовала. По правде говоря, она начисто была лишена способностей к дедуктивному мышлению, да и вообще проблемы такого плана ее совершенно не занимали. В свободные минуты она размышляла только о применении новой классификационной системы ведения деловой документации, о которой недавно вычитала в одном журнале... Но... Пуаро просто необходим был собеседник.

– Скажите мне, мадемуазель, что, по-вашему, произошло в тот вечер? Мистер Клейтон сидит за бюро в гостиной и пишет извинительную записку. Возвращается майор Рич... И что дальше?

– Он застаёт мистера Клейтона... – растеряно промямлила пожилая мисс. – Думаю, что они поссорились. Да, конечно! Майор Рич вынимает кинжал и бросается на мистера Клейтона. Потом он приходит в себя, осознает ужас содеянного и прячет труп в сундук, потому что вот-вот должны появиться гости.

– Ага! Они появляются. Труп в сундуке. Ужин прошел. Гости распрощались с хозяином и ушли. А потом?

– Майор устал и отправляется спать... Но...

– Вот именно «но»! – торжествующе воскликнул Пуаро. – Понимаете теперь? Убил человека, спрятал труп в сундук и как ни в чем не бывало преспокойно отправляется спать, не подумав даже, что утром слуга почти наверняка обнаружит преступление!

– Ну... Слуга мог и не заглянуть в сундук...

– Когда на ковре лужа крови?

– Майор не подумал об этом...

Пуаро в отчаянии махнул рукой и, отвернувшись, по-

дошел к окну. Мисс Лемон немедленно воспользовалась этим и покинула кабинет.

КОНЕЧНО же, тайна испанского сундука никак не касалась Эркюля Пуаро. В эти дни он по горло был занят деликатным поручением крупной нефтяной компании, один из служащих которой был заподозрен в весьма сомнительных операциях. Но разве такой профессионал, как Эркюль Пуаро, мог оставаться равнодушным, когда весь Лондон судил и рядил об этой загадочной истории!

Тайна испанского сундука была драматичной и волнующей: красивая женщина, любовь, ненависть и ревность придавали некоторый романтизм этому убийству. Но Пуаро было совершенно недостаточно того, что писали газеты. Ему надо было знать: что представляет собой Рич, его слуга Борджес и, конечно, Маргарита Клейтон. Следовало бы заполучить больше информации об Арнольде Клейтоне (характер жертвы всегда представляет интерес при размышлении такого клубка). А Джек Макларен, приятель убитого? О нем вообще говорилось вскользь. Нельзя обойти вниманием и супругов Спенс, хотя они и недавно в этой компании.

Но Пуаро пока не представлял, как действовать, чтобы удовлетворить свое любопытство. Больше всего его волновало то, что если газетчики и полиция ничего не упустили, то убийство было невозможно!

Двое мужчин поссорились – по всей вероятности, из-за женщины. В порыве гнева один убивает другого, кинжалом. Ничего невероятного нет, такое случается. Хотя не

логичнее ли было супругу прикончить любовника жены? А тут любовник расправляется с мужем. Странно. Может быть, мать майора была итальянкой? Тогда как-то можно объяснить выбранное им оружие. Кинжал, должно быть, находился под рукой, и поэтому именно он пошел в дело. Затем труп – заметьте, с торчащим в шее кинжалом! – прячут в сундук. Не было другого выхода? В любой момент мог появиться посланный за сигаретами слуга, а следом за ним и гости...

«Стало быть, преступление не было задумано заранее, – говорит сам себе Пуаро и сердито морщит лоб. – Все это еще может найти объяснение, но то, что происходит дальше...»

А дальше – ужин закончен, гости прощаются и уходят, слуга покинул дом еще раньше, а майор Рич... спокойно идет спать. Это объяснить невозможно!

Чтобы разобраться в этой загадке, надо непременно повидать майора! Увидеть, что это за человек. Убить, и тут же принимать гостей! Он должен был быть в адском напряжении весь вечер. Каково было играть роль радушного хозяина! А потом... Может быть, Рич принял снотворное или какое-либо успокоительное и поэтому спал, пока его не разбудила полиция?

– Нет, я определенно должен встретиться с майором! – Пуаро решительно поднялся с кресла, и в этот момент раздался телефонный звонок.

– Месье Пуаро?

– Слушаю!

– О, чудесно!

Детектив самодовольно подмигнул сам себе. Еще бы!

Его собеседница вложила в свой вибрирующий голос столько тепла.

– Это – Абби Чатертон.

– Ах, леди Чатертон? Чем могу служить?

– Прошу вас, месье, не теряя ни минуты, приехать к нам. Не подумайте, что только из-за коктейля, который мы сегодня устраиваем. Я нуждаюсь в вашей помощи! Поверьте, дело очень важное. Не отказывайте мне!

У Пуаро и в мыслях не было отказываться. Да, конечно, лорд Чатертон, хотя и член палаты лордов, но, увы, полнейший нуль. Однако его жена, как однажды выразился сам Пуаро, была одним из самых прелестных украшений высшего общества. Она обладала умом, красотой, оригинальностью суждений и непредсказуемостью в поведении. И еще энергией и решительностью, вполне достаточной, чтобы отправиться в ракете на Луну.

– Я нуждаюсь в вашей помощи, – повторил очаровательный голос. – Закрутите ваши дивные усы и приезжайте! Побыстрее, пожалуйста...

Но быстро не получилось – Эркюль Пуаро, прежде чем отправиться с визитом к прекрасной даме, уделил немало времени своему туалету.

ДВЕРИ фешенебельного дома леди Чатертон на Черитон-стрит были распахнуты и оттуда несся такой гам, будто взбунтовался целый зоосад. Хозяйка дома, которая одновременно разговаривала с двумя дипломатами, одним известным регбистом и американским проповедником, моментально упорхнула от этой компании и остановилась перед детективом.

– Рада вас видеть, месье Пуаро! Нет-нет, не берите этот ужасный martini! У меня есть, специально для вас, шербет, который пьют марокканские шейхи. Он ждет вас в будуаре на верхнем этаже.

Она повела детектива за собой, но остановилась посередине лестницы и сказала ему через плечо:

– Не хочу, чтобы все эти почтенные господа догадались, в чем дело. Я даже прислуге пообещала вознаграждение, чтобы все держали язык за зубами. Понимаете, месье Пуаро, я не хочу, чтобы мой дом оказался в осаде репортеров. – Она вздохнула. – Эта несчастная пережила такой удар!

Леди Чатертон не остановилась на втором этаже и продолжала подниматься на третий, бросив быстрый взгляд через перила, она открыла дверь.

– Я привела его, Маргарита! Он тут!

Ока торжественно пропустила вперед Пуаро.

– Это Маргарита Клейтон. Она моя близкая подруга. Вы ей поможете? Маргарита, это чудесный Эркюль Пуаро. Он сделает все, что тебе нужно. Так ведь, месье?

И, не ожидая ответа, который, по ее мнению, мог быть только положительным, избалованная красавица направилась к двери.

– Должна вернуться к этим несносным людям! – громко сказала она с порога.

Женщина, которая сидела у окна, поднялась и приблизилась к детективу. Даже если бы леди Чатертон не назвала имени, он бы все равно ее узнал. Высокий лоб, темные волосы, разделенные словно на два крыла, серые скорбные глаза. Она была одета в глухое черное платье, которое под-

черкивало гибкость ее фигуры и нежность кожи. Казалось, она излучает невинность, как святая на иконе. Но, подумал Пуаро, такая невинность бывает пагубнее утонченной похотливости.

– Абби сказала, что вы можете помочь мне.

Она напряженно разглядывала его. Он тоже бросил на нее испытывающий взгляд.

– Уверены ли вы, мадам, что я смогу помочь вам?

Она слегка покраснела, и это, конечно, ей больше шло к лицу, чем бледность.

– Я... я не понимаю вас.

– Что конкретно вы хотите, чтобы я сделал для вас, мадам?

– О! – воскликнула она удивленно. – Я полагала, что вы все знаете.

– В общих чертах. Убит кинжалом ваш муж, арестован майор Рич, обвиненный в этом убийстве.

Она покраснела еще больше.

– Майор не убивал моего мужа!

– В самом деле? – быстро спросил Пуаро.

Она растерянно взглянула на него.

– Удивляетесь, что не задаю вопроса, который задают все – полицейские, адвокаты, газетчики: «Почему Рич убил Арнольда Клейтона?» Но меня больше интересует другой вопрос: почему вы так уверены, что майор Рич не убивал вашего мужа?

– Потому... потому, что я очень хорошо знаю его.

– Знаете его очень хорошо, – спокойно повторил Пуаро и после этого несколько неучтиво добавил: – Так ли хорошо?

– Знаю его лет пять... нет, точнее, шесть, – ответила миссис Клейтон.

– Я имел в виду не это, мадам. Вы меня извините, но я задам вам несколько нескромный вопрос. Вы можете сказать мне правду, а можете солгать. Иногда ложь необходима женщине. Но есть три человека, мадам, которым надо говорить правду всегда: исповеднику, парикмахеру и частному детективу. Если, разумеется, у вас нет причин не доверять им. Засвидетельствуете ли вы мне доверие, мадам?

Маргарита Клейтон глубоко вздохнула.

– Да, – сказала она и повторила еще раз: – Да.

– Отлично. Так что вы хотите от меня? Чтобы я установил, кто убил вашего мужа?

– Да...

– Но необходимо ли это? Не хотите ли вы другого: снять всякие подозрения с Чарльза Рича?

Женщина утвердительно кивнула:

– Это... только это.

– Так... А сейчас перейду к нескромному вопросу, который обещал вам. Вы любите майора Рича?

– Если вы под этим подразумеваете интимную связь, то нет.

– Но он влюблен в вас?

– Да.

– А вы в него?

– Думаю, что да...

– Вы в этом уверены?

– Сейчас уже уверена!

– Значит, супруга своего вы не любили?

Маргарита Клейтон немного замялась, а потом сказала:
– Нет.

– Вы, мадам, меня очаровали своими ответами. Большинство женщин стало бы сейчас подробно описывать свои чувства и оправдываться. Сколько лет вы замужем?

– Одиннадцать.

– Можете ли вы рассказать мне подробнее о муже? Что он был за человек?

На этот вопрос женщина ответила не сразу.

– Как вам сказать... Не знаю точно, каким он был и действительности. Внешне всегда спокоен, выдержан, никогда не повышал голос. Часто нельзя было понять, что у него на душе, о чем он думает. Он предпочитал больше слушать, чем говорить. Безусловно, был умен, на работе его ценили. Любил музыку, интересовался искусством... Был немного застенчив. Никогда не открывался до конца, не говорил о себе.

– Любил вас?

– О, да! Нисколько не сомневаюсь, что Анди очень любил меня, иначе не придавал бы значения...

Она внезапно умолкла.

– Вашему общению с другими мужчинами? Вы это хотели сказать? Видимо, он был ревнив?

– Пожалуй, – без раздумий ответила миссис Клейтон и с грустной улыбкой добавила: – Наверное, как и все, кто ослеплен любовью. Иногда по несколько дней он мог молчать, избегать меня... Собственно говоря, из-за пустяков.

Пуаро задумчиво кивнул.

– Были и другие трагедии?

Этот вопрос не понравился женщине, и она поморщилась.

– Вы намекаете на того несчастного юношу, что закончил с собой?

Детектив неопределенно мотнул головой.

– Я ничего не знала о его чувствах. Принимала его просто из жалости, он выглядел таким робким, таким одиноким. По-моему, с ущербной психикой... А те два итальянца и их дуэль! Это же просто смешно! Слава богу, что никто из них не был убит. Ни тот, ни другой меня совершенно не интересовали. И уж во всяком случае, я не давала им ни малейшего повода думать иначе.

– Достаточно того, что они были знакомы с вами. Простите за банальность, мадам, но вас, наверное, можно назвать роковой женщиной. Замечу, что порой можно потерять голову и от безразличия той, в которую страстно влюбился. Но оставим это. Нас интересует только майор Рич.

ПУАРО с минуту молчал, что-то обдумывая.
– А сейчас, мадам, от людей и их характеров перейдем к фактам. Я знаю лишь то, о чем писали газеты. Если верить им, только два человека имели возможность убить вашего мужа: майор и его слуга.

– Уверена, что Чарльз не сделал этого! – убежденно и без тени колебаний проговорила она.

– Тогда остается слуга. Так?

– Но...

– Вас это тоже не устраивает?

– Мне это представляется абсурдным!

– И все же такую версию исключить нельзя. Ваш муж – и это неоспоримо доказано – находился в квартире майо-

ра, когда его видели в последний раз. Его тело оказалось там. Допустить, что кто-то принес труп и спрятал в сундуке, противно всякому здравому смыслу и просто невыполнимо. Если показания слуги верны, то убить вашего мужа мог только майор Рич.

– Нет! – почти выкрикнула Маргарита Клейтон, но детектив остановил ее примирительным жестом.

– Предположим, что слуга лжет. В таком случае совершил преступление он. Скрыл труп и спрятал в сундуке перед тем, как вернулся хозяин. А на другой день он просто «заметил пятно крови». В силу этого все подозрения пали на майора.

– А мотивы? Что могло заставить Борджеса пойти на убийство?

– В самом деле, что? Может быть, ваш муж узнал нечто порочащее слугу и хотел рассказать об этом майору? Говорил ли вам мистер Клейтон хотя бы что-нибудь об этом Борджесе?

Женщина отрицательно покачала головой.

– Может быть, вы запамятовали?

Она пожала плечами.

– Не думаю... Вообще, Арнольд мне мало рассказывал о других. Я вам уже сказала, что он был очень замкнутым и молчаливым человеком.

– Я это помню. А каково ваше мнение о Борджесе?

– Он был какой-то незаметный всегда... Хотя как слуга предупредителен, аккуратен, вежлив... Но без особых манер. Простоват...

– Сколько ему лет?

– Лет 36-38. Во время войны был ординарцем у какого-то офицера.

– У майора давно служит?

– Думаю, года полтора, не больше.

– Вы никогда не замечали ничего особенного в его обращении при гостях с вашим мужем?

– Нет! Да и Борджеса я видела редко. Он почти не появлялся при гостях.

Эркюль Пуаро поднялся, прошелся по комнате.

– Расскажите об этом ужине у Рича. Когда вы приехали туда?

– В девятом часу...

– Как прошел ужин?

– Отлично! Хорошие вина, изысканная закуска. Как обычно. У Чарльза отличная стереосистема. Муж и Джек Макларен очень любят классическую музыку. Есть танцевальные пластинки, а Спенсы великолепные танцоры! Вечер прошел весело. Чарльз умеет устраивать приемы для друзей.

– Значит этот вечер прошел как всегда. Ничего необычного вы не заметили?

– Необычного? – она наморщила лоб. – По-моему, нет. Однако... Нет-нет, этот вечер был, как и все другие. Поделились последними новостями, посмеялись, потанцевали...

Детектив кивал головой в такт ее словам.

– Все выглядело так мирно, так задушевно... – Маргарита Клейтон вздрогнула, вспомнив, что в это время...

Пуаро быстро поднял руку.

– Нет! Не думайте об этом. Что вы знаете о деле, ради которого ваш муж должен был срочно выехать в Шотландию?

– Очень немного. Какой-то спор, насколько я понимаю,

в связи с продажей принадлежащего мужу участка земли. Затруднения появились в последний момент, какие-то формальности...

– Постарайтесь припомнить подробнее все, что вам сказал муж,

– Он вошел в комнату с телеграммой в руке. «Такое неприятное дело, – сказал он, насколько я помню. – Мне необходимо выехать ночным поездом в Эдинбург, чтобы встретиться с Джонсоном завтра утром». Потом Анди еще спросил: «Попросить Джека, чтобы заехал за тобой?» Я отказалась – зачем? – воспользуюсь такси. Предложила собрать чемодан. Но он сказал, что обойдется дорожной сумкой. Через некоторое время Анди снова зашел ко мне и сказал, что прежде, чем отправиться на вокзал, заедет на несколько минут в клуб. После этого он попрощался со мной, и больше я его не видела.

При последних словах голос ее дрогнул.

Пуаро взглянул на вдову, прищурив глаза.

– Мистер Клейтон показал вам телеграмму?

– Нет.

– Жаль...

– Почему?

Он не ответил на ее вопрос.

– А теперь о деле, – быстро проговорил детектив. – Кто адвокат майора Рича?

Вдова назвала имя, которое Пуаро записал в блокнот.

– Соблаговолите написать ему записку. Хочу добиться свидания с майором.

Маргарита Клейтон кивнула и подошла к бюро.

– Напишите также, пожалуйста, записки капитану Ма-

кларену и нашим приятелям мистеру и миссис Спенс. Не хотел бы, чтобы меня выставили за дверь, когда пожалую к ним.

– И вот еще что, – добавил детектив, когда миссис Клейтон подала ему записки. – Чтобы составите полное мнение о круге ваших знакомых, мне хотелось бы узнать, как вы откоситесь к Макларену и супругам Спенс. Что вы можете сказать о них?

– Джек мой старинный приятель, я знала его еще ребенком. Иногда производит впечатление человека упрямого и резкого, но он... прекрасный друг! Нет, не весельчак, но он тот, кому можно полностью доверять. Мы с Арнольдом не раз обращались к нему за советом по разным вопросам.

– Наверное, и он тоже влюблен в вас?

– О, да, – с обезоруживающей простотой ответила Маргарита. – Джек любил меня с детских лет. Кажется, для него это стало вроде привычки.

Она слегка улыбнулась, немножко лукаво.

– А Спенсы?

– Это веселые и приятные люди. Линда очень умная женщина, ей, как говорится, палец в рот не клади. У нее какое-то особое обаяние. Даже такой молчун, как Арнольд, любит поболтать с ней.

– Вы подруги?

– Как вам сказать... В известном смысле, да. Но думаю, что она ни к кому по-настоящему не привязана. Большая насмешница... Мне кажется, для нее нет ничего святого.

– А ее муж?

– О, Джереми просто восхитителен. Очень музыкален,

большой знаток живописи. Я часто вместе с ними посещала художественную галерею, выставки. Очень галантен...

– Попытаюсь во всем этом убедиться сам, – сказал Пуаро, вставая. – Надеюсь, мадам, вы не пожалеете, что обратились ко мне за помощью.

– Почему бы я могла пожалеть? – удивилась Маргарита.

– Пока я ничего еще не знаю...

«Или не уверен в том, что знаю?» – в раздумье сказал себе Пуаро, спускаясь по лестнице.

Прием был в разгаре, однако Пуаро прошел мимо говорливой толпы и вышел на улицу.

«Нет, – снова сказал он. – Нет, не знаю!».

Он думал о Маргарите. Такая детская прямолинейность, такая откровенная невинность. А так ли это в действительности? Не маска ли? Конечно, он не мог не оценить обаяние этой молодой женщины, но далеко не был уверен, что сумел узнать ее как следует.

«Такие женщины, – сказал он себе в заключение, – хотя и невинны на вид, вполне могут стать поводом для преступления.»

АДВОКАТ майора Рича отнесся к Эркюлю Пуаро более чем прохладно. Пуаро это не удивило. Детектив в самых вежливых выражениях объяснил ему, что должен повидать майора в интересах своей клиентки, миссис Клейтон. Адвокат в ответ заявил, что дела этой дамы его совершенно не интересуют и что вообще он занят. Пуаро покинул адвокатскую контору вовсе не раздосадованный. В конце концов, это был лишь

визит вежливости – пусть грубиян с юридическим образованием знает, что сенсационным делом с испанским сундуком теперь занимается частный детектив Эркюль Пуаро.

Впрочем, добиться свидания с арестованным не составило особого затруднения. Тем не менее, надо признать, что полицейский инспектор Миллер тоже не питал дружеских чувств к Эркюлю Пуаро.

– Как не хочется тратить время на этого надоедливового типа, – сказал инспектор своему помощнику, закончив телефонный разговор с Пуаро. А когда тот появился, встретил его иронической усмешкой:

– Вы, кажется, вознамерились совершить чудо?

– Чудо?

– Да, это будет чудо, если вы сумеете доказать, что мистера Клейтона убил не Рич. Он и только он мог это сделать!

– С помощью слуги?

– Ну, нет! У этого малого не было ни малейших мотивов для убийства.

– Мотивы – дело серьезное, и далеко не всегда они лежат на поверхности.

– Ну-ну, – скривил губы инспектор. – Слуга не имел никакой связи с Клейтоном. Его прошлое безупречно, да и выглядит Борджес вполне психически здоровым. Что еще требуется?

– Я хочу доказать, что преступление совершил не Чарльз Рич.

– Ага! Вы хотите доставить удовольствие приятной даме? Я не ошибся? – подхватил инспектор и расхохотался. – Если бы у нее была возможность, она сама бы пришла своего благоверного!

– Не верю.

– Ну, тогда вас впереди ждет немало сюрпризов! Я не удивлюсь, если припертый к стене майор признается, что эта дамочка была с ним в сговоре!

– Мы зря спорим, инспектор, – миролюбиво возразил Пуаро. – Я хотел бы узнать у вас некоторые подробности.

– Какие же?

– Например, время смерти.

– Это можно определить лишь приблизительно, так как труп обнаружили только утром следующего дня. По мнению врача, он пролежал в сундуке 10-12 часов.

– И смерть наступила...

– От удара кинжалом в сонную артерию.

– Что это за клинок?

– Кинжал итальянской работы. Небольшой, с узким, но очень острым лезвием. Раньше такое оружие не попадалось...

– Кому он принадлежал, тоже не выяснено?

Миллер скроил гримасу и посмотрел на потолок.

– Если позволите, господин инспектор, я задам вам еще несколько вопросов.

– Валяйте!

– Меня интересует телеграмма, которой Арнольд Клейтон был вызван в Шотландию. Его действительно туда вызывали?

– Нет.

– Хм... Кто же тогда послал телеграмму? Ведь должен же быть податель!

– Вообще-то, конечно. О телеграмме мы знаем со слов миссис Клейтон. Затем сам Клейтон сказал об этом слуге и капитану Макларену.

– Во сколько они встретились в клубе?

– Встреча была короткой, в начале восьмого. Потом Клейтон взял такси и поехал к майору. Там он был примерно через полчаса. А после этого...

Миллер снова скривил губы и развел руками.

– Вы опрашивали всех из этой компании, никто не заметил чего-нибудь странного в поведении Чарльза Рича в тот вечер?

– Знаете ли, месье, случается, что люди замечают массу подробностей, которые вообще не имели места, так сказать. Мистер Спенс, например, говорит, что майор весь вечер был рассеян и настроен лирически. Что касается меня, то я считаю, что, запихнув покойника в сундук, ему нужно было хорошенько обдумать, как потом от него избавиться, а не впадать в лирику.

– Почему же он этого не сделал?

– Не избавился от мертвеца? А-а, черт его знает!.. Может быть, не хватило смелости? Но, с другой стороны, было просто сумасшествием оставлять покойника на ночь. Швейцара в доме нет. Мог запрятать труп в багажник автомобиля и вывезти за город. Машина была запаркована в боковой улочке, с другой стороны – глухая стена. Три часа ночи самое подходящее время, чтобы замести следы. А что он делает вместо этого? Укладывается спать и спит, пока его не будит полиция... Может быть, адвокат будет настаивать, чтобы вы его показали психиатрам?

– Заснул с чистой совестью...

– Да, трудно поверить в это. Вы можете?

– Чтобы ответить на этот вопрос, я должен повидать Рича.

– Узнаете, виновен он или нет, посмотрев ему в глаза?
– осклабился Миллер. – Не думаю, что это будет легко даже знаменитому детективу Эркюлю Пуаро!

В голосе инспектора прозвучала издевка, но Пуаро ответил коротко:

– Хочу только понять, действительно ли он так глуп.

Однако прежде, чем увидеться с майором, он решил навестить других действующих лиц драмы. Начал с капитана Макларена.

МАКЛАРЕН был человеком высокого роста, подтянутым, как и подобает морскому офицеру, с несколько грубоватым, но приятным лицом. Сразу бросилось в глаза, что капитан не очень общителен, и разговаривать его будет нелегко. Но Пуаро решил проявить настойчивость.

Держа записку миссис Клейтон, капитан несколько минут рассматривал ее, а потом начал говорить с явной неохотой.

– Естественно, если Маргарита желает, мне не остается ничего другого, как выслушать вас. Но едва ли вы узнаете от меня больше, чем пишут газеты.

– Прежде всего прошу откровенно ответить мне на вопрос: верите ли вы, что Рич виновен?

– Да. Я не сказал бы об этом Маргарите, так как она убеждена в обратном. Но я думаю, что он виновен – просто никакая другая версия не приходит на ум.

– Не было ли какого-либо разлада, ссоры между покойным и Ричем?

– Напротив. Чарльз и Арнольд были отличными друзьями. И это тем более странно...

– Может быть, отношения между майором и миссис Клейтон выходили за рамки приятельских?

Макларен сердито прервал Пуаро:

– Глупости! Это гнусные измышления газетчиков. Миссис Клейтон и Рич были хорошими друзьями – и ничего более! У Маргариты много друзей, я сам отношусь к их числу. Много лет.

– Стало быть, вы не считаете, что между ними была интимная связь?

– И речи быть не может! Не слушайте миссис Спенс, если она начнет вам намекать на что-то такое. У нее змеиный язык!

– Но мистер Клейтон мог думать иначе, подозревать, что жена изменяет ему с майором?

– Нет! Можете мне поверить. Я с Арнольдом был очень дружен.

– Что он был за человек?

– Выдержанный, умел владеть собой. Обладал острым умом. Эрудированный, начитанный. Любил музыку. Но не танцевал и не любил разные розыгрыши.

– Их брак был счастливым?

Макларен ответил не сразу.

– Трудно сказать... Несмотря на разницу в возрасте, многие считали их брак удачным. Арнольд был очень привязан к жене, боготворил ее, а она, по моему убеждению, отвечала ему взаимностью. Правда, не всегда у них все ладилось. Но разве в других семьях не то же самое?

– А теперь, капитан, будьте любезны, расскажите мне о последнем вечере. Я знаю, что мистер Клейтон ужинал с вами в клубе. Что он говорил вам?

– О поездке в Шотландию. Он был этим огорчен. В сущности, мы не ужинали, у него не было времени. Арнольд вылил рюмку виски, съел сэндвич и, собственно, все. Я ограничился тем же, так как собирался к Чарльзу.

– Говорил ли вам покойный о телеграмме?

– Да.

– Показывал ее вам?

– Нет.

– Он сказал, что заедет еще к Ричу?

– Неопределенно... Не был уверен, что хватит времени.

Мы попрощались, и я не заметил ничего особенного в его поведении.

– Вы не сомневаетесь в достоверности телеграммы?

– А что, есть какие-то сомнения?

– Просто ее никто не видел.

Макларен как будто на миг задумался, а потом внезапно сказал:

– Действительно, странно. Почему это он так срочно понадобился в Шотландии?

– На этот вопрос пока ответа нет.

Эркюль Пуаро поднялся и стал торопливо прощаться, чем немало удивил капитана.

СПЕНСЫ жили в небольшом доме, в Челси.

– О-о, месье, вы говорите, что это писала Маргарита? Где она сейчас?

– Увы, мадам, я не имею права ответить на этот вопрос.

– Понимаю! Она хорошо сделала, что укрылась от назойливых любителей сенсаций. Но все же боюсь, что ее потребуют в суд в качестве свидетельницы. Не так ли?

Пуаро ничего не ответил, только неопределенно качнул головой и внимательно посмотрел на собеседницу. По своей привычке он тут же мысленно вынес вердикт: интересная, модная дама. Тоненькая фигурка, с угловатыми плечами и заостренным подбородком; артистично взъерошенные волосы обрамляли маленькое личико, лишнее косметики, если не считать накрашенных губ. Глаза темные, быстрые, наблюдают за гостем не мигая.

– Какова ваша роль в этом деле? – спросила она с видом заговорщицы. – Хотите спасти ее любовника? Только едва ли это удастся...

– Считаете его виновным?

– Естественно! Кто другой мог сотворить это?!

Пуаро ответил вопросом:

– Как вам показался майор Рич в тот роковой вечер? Вел себя как всегда или вы подметили что-то необычное?

Линда Спенс многозначительно сощурила глаза.

– Нет, месье, он не был такой, как всегда! Я бы даже сказала, он был непохожим на себя.

– А именно?

– Ах, голубчик, после того, как человек хладнокровно убивает кинжалом своего приятеля...

– Но ведь тогда не было известно о случившемся!

– Нет, конечно.

– Тогда как вы объясните его «непохожесть»? В чем она выражалась?

– Он был взвинчен, рассеян... Впрочем, не знаю. Позже я подумала, что его что-то беспокоило. Кстати, Маргарита была бледнее, чем обычно.

Пуаро вздохнул.

– Кто пришел к майору первым?

– Мы! То есть, я и Джереми. Потом Джек. И наконец Маргарита.

– Когда зашла речь о внезапном отъезде мистера Клейтона?

– Когда появилась Маргарита – мы удивились, что она одна. Но она тут же сказала Чарльзу: «Арнольд приносит извинения, что не может прийти. Ему пришлось ночным поездом уехать в Шотландию». Чарльз ответил: «Очень жаль». Джек добавил: «Наверное, Чарльз уже знает об этом».

– Что ответил Рич на эту реплику?

Миссис Спенс замялась:

– Я как-то упустила...

– Упомянул ли майор Рич, что мистер Клейтон навещал его перед отъездом?

– Насколько помню, нет.

– Что вы скажете о телеграмме? Странная, правда?

– Почему?!

– Потому что это фальшивка. Никто из Шотландии Клейтона не вызывал.

– Ах, вот как!.. Между прочим, я тоже тогда удивилась.

– Удивились телеграмме?

– Не ловите меня на слове! – Линда хлопнула ладошкой по столу. – Просто представилось такое... Какой-то негодяй с помощью фальшивой телеграммы удаляет супруга и... вся ночь в их распоряжении!

– Значит, вы считаете, что миссис Клейтон и Рич собрались провести эту ночь вместе?

– Ну, как вам сказать... Вы, наверное, уже слышали

кое-что о их отношениях? – иронически усмехнулась миссис Спенс.

– И кто-то из них двоих послал телеграмму?

– А почему бы и нет?

– Следовательно, вы считаете, что между Маргаритой Клейтон и майором были интимные отношения?

– Очень может быть. Чарльз Рич производит впечатлени-е. А Маргарита... Впрочем, у меня нет доказательств.

– Мистер Клейтон подозревал их?

– Арнольд был человеком особенным. Полагаю, что он знал, но никогда не выдавал себя. Он был человеком рас-судительным и неспособным на глупости. Подозреваю, однако, что он был болезненно ревнив!

– Смотрите-ка!

– Да! Почти как Отелло. Между тем, месье, Маргарита имела огромное влияние на своего мужа. Он не смел ей отказать ни в чем!

– Да, она красивая женщина, – осторожно вставил Пуаро.

– О, не только это! В ней есть что-то такое, что обво-раживает мужчин. Смотрят в ее большие глаза и тут же шалют.

– Роковая женщина!

– Можно сказать и так.

– А вообще, вы ее хорошо знаете?

– Дорогой мой, она одна из лучших моих подруг, и в то же время я не верю ей ни на йоту. Говорю вам это как на исповеди!

– Понимаю, понимаю, – пробормотал Пуаро и перешел к Макларену.

– Джек? Верный старый пес. Думаю, что Арнольд верил ему больше, чем кому-либо другому. Мне кажется, он был любимым домашним животным Маргариты. Да-да, суровый капитан безмолвно обожает ее много лет.

– А мистер Клейтон не ревновал жену к нему?

– Ревновать к Джеку? Что за глупость! Маргарита искренне, по-родственному, привязана к нему. Да и, откровенно говоря, никакой женщине не пришло бы в голову иметь нечто большее с Джеком. Не знаю почему, но он не способен вызвать у женщины какие-либо эмоции... Хотя, конечно, капитан все же довольно мил...

Миссис Спенс собиралась продолжить рассуждения о мужских качествах Макларена, но Пуаро осторожно перевел разговор на слугу. О Борджесе Линда Спенс ничего сказать не могла.

– Подозреваете, что он убил Арнольда? – удивилась она. – Это просто невероятно!

– Но мне также представляется абсолютно невероятным, чтобы и майор Рич убил Арнольда Клейтона. Тем более таким вот образом.

– Кинжалом? Да, это ему не подходит. Он бы, пожалуй, трахнул его по голове тупым предметом или... задушил.

Пуаро снова вздохнул.

– По методу Отелло? Хм... Вы мне подбросили неплохую идейку.

– Я?! Какую же?

Хлопнула входная дверь.

– Ах, вот и Джереми! Хотите поговорить с ним?

Джереми Спенсу можно было дать не более тридцати.

Приятное холеное лицо, несколько высокомерное, элегантный костюм.

Его жена поспешила на кухню, оставив мужчин наедине.

Джереми выглядел недовольным. Может быть, потому, что был голоден, а может быть, ему не нравилось, что он оказался замешанным в эту печальную историю. Во всяком случае, на вопросы детектива он отвечал сдержанно и лаконично. Да, он знал Клейтона и его супругу довольно давно, а вот Рича не очень. И, тем не менее, симпатизировал ему. Как выглядел во время последней встречи? Нормально, как всегда. Клейтон и Рич были добрыми приятелями. Убийство? Необъяснимо!

– Терпеть не могу любые полицейские расспросы, – заворчал он наконец. – Все, что я знал, я сказал инспектору. Теперь нужно повторять еще раз.

– Сочувствую вам, мистер Спенс. Хочу, однако, задать вам еще несколько вопросов – как вы понимаете, – не ради праздного любопытства. На что вы обратили внимание в тот вечер? Может быть, вам бросилось в глаза нечто непривычное, и что вы об этом подумали? И что вы вообще думаете о происшедшем?

– Предпочитаю не думать об этом.

– А может, стоит подумать? Вы же понимаете, насколько серьезное обвинение выдвинуто против Чарльза Рича?

Спенс раздраженно передернул плечами.

– Не понимаю, чем я могу быть полезен ему?

– Помогите разобраться в некоторых деталях. Например, было высказано мнение, что о готовящемся преступ-

лении могла знать миссис Клейтон. Даже больше – будто она с майором подготовила убийство.

– О, господи, какой-то бред! – возмущенно воскликнул Спенс. – Какой идиот мог предположить это?

– С вашей женой вы не обсуждали такую возможность?

– С Линдой? Ах, вот откуда ветер дует!.. Но, месье Пуаро, вам ли не знать женщин? Маргарита очень привлекательна и пользуется успехом у мужчин, поэтому стоит ли удивляться, что даже близкие подруги недолюбливают ее. Но поверить в то, что они с майором устроили заговор против ее мужа... Абсурд!

– Такие случаи бывали...

– Эта версия всерьез рассматривается полицией? Чудовищно!

– Не знаю, не знаю, – ответил Пуаро и откланялся.

Изумление, написанное на лице Джереми Спенса, наталкивало на размышления...

— ПРОШУ меня извинить, но я не вижу, чем вы можете быть мне полезны.
Пуаро промолчал. Он изучал лицо человека, обвиненного в убийстве своего друга Арнольда Клейтона.

Чарльз Рич был высок, худощав, энергичен. Во всем его облике проглядывала недюжинная физическая сила. Лицо не выдавало никаких чувств и уж во всяком случае не отражало и намека на мягкость и сердечность.

– Миссис Клейтон направила вас ко мне с самыми добрыми намерениями... Но... считаю ваше вмешательство не

очень удобным, так как оно ставит нас – ее и меня – в двусмысленное положение.

Рич бросил взгляд в сторону. Надзиратель находился на некотором отдалении, но, возможно, прислушивался к их разговору.

– Им нужны мотивы, чтобы обосновать это вздорное обвинение, – сказал арестованный, понизив голос. – Прокурору будет трудно доказать, что имелся сговор между мной и миссис Клейтон. Наверное, она сказала вам, что мы с ней хорошие друзья и ничего больше. Поэтому не лучше ли вам не вмешиваться в это дело? К тому же у меня есть адвокат, который берется защищать меня в суде.

Детектив неожиданно улыбнулся.

– Отлично, – сказал он весьма учтиво. – Я просто хотел повидать вас. Кстати, я изучил ваш послужной список. Вы закончили военное училище в Сендхорсте. Никаких нареканий по службе. По отзывам, вы человек неглупый, хладнокровный и рассудительный.

– Какое это имеет отношение к нашей истории?

– Прямое! Человек с вашей биографией не совершил бы убийства при подобных обстоятельствах.

– Благодарю вас, – криво усмехнулся Рич. – Лестно слышать.

– Вы невиновны, я в этом уверен, – Пуаро приложил руку к груди. – Но если не вы, то это мог сделать ваш слуга. Расскажите о нем, ведь вы его хорошо знаете.

– Не могу сказать, что очень хорошо знаю его, но... – он прервал себя на полуслове и пристально взглянул на детектива. – Понимаю! В сущности, кроме меня и Борджеса, никто не имел возможности убить Клейтона. И, если не

я, то надо повернуть обвинение против него? Нет, я не могу в это поверить!

– Что думает по этому поводу ваш адвокат?

Рич невесело усмехнулся.

– Он то и дело спрашивает меня, верно ли, что за всю жизнь у меня не было периодов, когда я пребывал в состоянии депрессии, черной меланхолии, не мог владеть собой...

– Может быть, установить, не бывало ли таких периодов у Борджеса? Это идея! А теперь о кинжале. Вас спрашивали, чей он?

– Никогда раньше не видел этого кинжала.

– Следовательно, не ваш. И все же – вы действительно уверены, что никогда в прошлом не видели его?

– Никогда! Меня такие вещи вообще не интересуют. Хотя, конечно, знал людей, которые коллекционируют подобные «игрушки».

– В доме миссис Клейтон вы не видели такой коллекции?

– Нет!

– И все же этот кинжал вы могли где-нибудь видеть...

– Если только в каком-нибудь антикварном магазине.

Однако он мне не запомнился.

Пуаро поднялся.

– Сейчас я отправлюсь побеседовать с Борджесом.

КАЖДЫЙ, с кем беседовал великий детектив, сказал что-то о других и о себе. Но никто ничего конкретного не сказал о слуге майора. Видимо, потому, что видели его редко и мельком. Да и кто особенно обращает внимание на прислугу.

Вильяма Борджеса Пуаро застал в доме Рича. Макларен предупредил слугу по телефону, что детектив хочет видеть его. Борджес ждал.

– Я – Эркюль Пуаро.

– Да, месье.

Борджес почтительно отступил в сторону, давая дорогу Пуаро. Открытая дверь вела в гостиную.

– Значит, – сказал Пуаро, осматриваясь, – тут все и произошло?

– Да, месье.

Спокойный человек был этот Вильям Борджес – посещение детектива его нисколько не взволновало. Хилый, сутулый, с бледной кожей, с ровным монотонным голосом, в котором улавливался непреодолимый провинциальный акцент. Очень трудно было связать его внешность с каким-либо актом насилия. Это подтверждал и застенчивый взгляд светло-синих глаз.

– Что с квартирой? – спросил Пуаро.

– Поддерживаю порядок, месье. Майор оставил мне деньги. Пока...

Он смущенно опустил глаза.

– Пока, – повторил Пуаро. – Суд будет месяца через три.

Борджес уныло покачал головой.

– Не могу поверить...

– В то, что ваш хозяин убийца?

– И все остальное... Этот сундук...

Пуаро проследил за направлением его взгляда.

Сундук был покрыт темным лаком, инкрустирован резными медными накладками и уголками, с ручками и замками из того же металла.

– Изящная работа, – заметил детектив.

Сундук находился у стены. С одной стороны тумбочка для грампластинок, с другой дверь, полузакрытая большой ширмой с кожаными шторами, покрытыми орнаментом.

– Дверь ведет в кабинет хозяина, – пояснил Борджес.

Гостиная была довольно просторной и уютной, но обставлена скромно. Пуаро снова повернулся к слуге.

– Представляю себе, как вы были потрясены, увидев в сундуке труп, – сказал он сочувственно.

– О да, месье! Этого я никогда не забуду!

И Борджес начал подробный рассказ. Он говорил монотонно, без пауз, видимо, повторял его так часто, что знал наизусть.

– Я начал убирать гостиную, собрал со стола бокалы, тарелки и все остальное. Наклонился, чтобы поднять с пола несколько маслин, и увидел на ковре большое красное пятно. Боже мой, наверное, кровь. Но откуда она здесь взялась? Стал рассматривать и понял, что она текла из щели в сундуке. Приподнял крышку и увидел труп человека, лежащего на боку со слегка поджатыми коленками. Он выглядел спящим. Но из шеи торчала рукоятка ножа! Я закрыл крышку и без памяти выскочил на улицу, чтобы найти полицейского. К счастью, увидел его за углом.

Пуаро задумчиво посмотрел на рассказчика. Если это был спектакль, то отлично сыгранный. Или все чистая правда?

– Почему вы вначале не разбудили хозяина?

– Я был не в себе... И мне как-то не пришло в голову. Хотел как можно быстрее позвать на помощь, – пробормотал слуга.

– Вы узнали, что это мистер Клейтон?

– Вначале не был уверен, месье. Но когда вернулся с полицейским, сказал ему: «Это же мистер Клейтон!» А он: «Кто это, мистер Клейтон?» Тогда я ему объяснил: «Он вчера заходил к нам, вечером».

– Так... – протянул Пуаро. – «Вчера вечером», сказали вы полицейскому. Вы точно помните, в какое время зашел мистер Клейтон?

– В половине восьмого.

– Вы хорошо знали этого господина?

– За полтора года, что я служу здесь, он часто бывал в гостях вместе с миссис Клейтон.

– Выглядел как всегда?

– Ну-у... Может быть, немного запыхался. Спешил на вокзал.

– Наверное, у него был чемодан?

– Нет, месье. Не было ни чемодана, ни каких-либо других вещей. Наверное, оставил в такси.

– Он был разочарован тем, что не застал майора Рича дома?

– Я как-то не заметил... Он только сказал, что оставит записку.

– Подробнее, пожалуйста.

– Вошел сюда и сел за письменный стол. Мне сказал, что я могу идти заниматься своими делами. Я вернулся на кухню. Не слышал, как мистер Клейтон ушел, не видел, как вернулся хозяин.

– А потом?

– Хозяин вошел на кухню, остановился на пороге и сказал, что забыл купить сигареты для миссис Спенс и что мне надо сходить за ними. Я...

– Минутку! – Пуаро приподнял руку. – Вы заходили в гостиную, прежде чем отправиться в табачную лавку?

– Нет, месье. А зачем? Времени и так было в обрез. Минут через десять я вернулся и положил сигареты на бюро в гостиной. Мистера Клейтона не было... Конечно, ведь он спешил на вокзал. Так я подумал тогда.

– Никто другой не входил в квартиру в отсутствие майора, когда вы были на кухне?

– Нет. Да и кто мог войти, если дверь была на замке?

– А как же мистер Клейтон? Вы об этом не подумали?

– Я подумал, что, уходя, он просто защелкнул замок на двери. Спешил.

Пуаро покачал головой – не все ему нравилось в рассказе слуги. В доме находится гость, а он...

– М-да... – в раздумье произнес детектив.

СУПРУГИ Спенс, Макларен и миссис Клейтон достаточно точно объяснили, где находились в это время. Макларен – в клубе, где беседовал с несколькими знакомыми; у Спенсов были гости, которые ушли незадолго до их отъезда к Ричу; в это же время Маргарита Клейтон разговаривала по телефону с Абби Чатертон. Стало быть, у всех было алиби – никто не мог направиться следом за Клейтоном к майору, в квартире которого находился слуга, а с минуты на минуту должен был вернуться и сам хозяин.

На миг Пуаро подумал о «таинственном незнакомце», который появился внезапно, как привидение, проследил за Арнольдом Клейтоном до дома Рича, проник туда, убил кинжалом и, прежде чем исчезнуть, спрятал в сундук. Зачем? Адский план?

– М-да, – еще раз произнес детектив, пересек комнату и поднял крышку сундука.

– Я почистил его, месье, – тихо сказал Борджес.

Пуаро нагнулся, издал негромкое восклицание и показал пальцем на внутреннюю стенку сундука.

– Эти дырки... вот эти... давно здесь?

– Дырки, месье? – слуга тоже нагнулся над сундуком. – Не могу сказать, как-то не обращал внимания...

– Их почти не видно, но они есть. Интересно, с какой целью их сделали. Как вы считаете?

– Не знаю... Может быть, это следы древоточца? Сундук очень старый...

– Когда вы вернулись с сигаретами для миссис Спенс, здесь все было на своих местах? Не были сдвинуты, например, стулья, стол?

– Подождите... На что-то я тогда обратил внимание... Да! Помнится, ширма перед дверью была сдвинута влево.

– Вы не ошибаетесь, Борджес?

– Да-да, влево... Вот так.

Как понял Пуаро, ширма обычно закрывала только часть сундука. Сейчас же за ней сундука почти не было видно.

– Как вы думаете, с какой целью ее передвинули?

– Возможно, чтобы дамам было легче входить в соседнюю комнату. Ну, чтобы привести себя в порядок... Там стоит большое трюмо.

– А что, такое бывало?

– При мне нет... Но я думаю, что могли и зайти. Женщинам всегда нужно зеркало...

– Может быть... Но, может быть, имелась и другая причина. Сейчас ширма закрывает почти весь сундук и

ковер под ним. А какое тут освещение по вечерам? Кто-то ведь мог и заметить следы крови у сундука.

– Сейчас покажу, месье.

Слуга опустил шторы и нажал выключатель. Разлился бледный свет, при котором едва можно было читать. Пуаро поднял голову к люстре.

– Ее не зажигали, месье. Мы вообще редко пользуемся ею. Не думаю, чтобы при таком слабом свете можно было заметить пятно крови.

– Вы, кажется, правы. Но зачем все же сдвинули ширму и кто?

Борджес вздрогнул.

– Страшно подумать, что такой порядочный и добрый человек, как мой господин, мог совершить такое!

– Но вы не сомневайтесь, что он мог сделать это?

– Он воевал... – нехотя ответил Борджес. – Может быть, был ранен в голову или контужен? Я слышал, последствия могут сказаться через годы. Это правда?

Пуаро посмотрел на слугу, вздохнул и отвернулся.

– Нет.

Он достал банкноту и вложил ее в руку слуги.

– О, месье, благодарю, но я не заслужил...

– Почему же? Вы мне помогли, показав эту комнату и так подробно рассказав все, что знаете. Отдерните шторы, откройте форточку, пусть свежий воздух и солнце заглянут сюда. Понадобится немало времени, пока это жилище очистится от духа ненависти, которым оно сейчас пропитано.

Уже в дверях он вполголоса добавил, как будто для себя:

– Я считал, что было две возможности. Но я ошибался, была и третья...

Из дома он позвонил по телефону инспектору Миллеру.

– Инспектор, меня очень интересует, что стало с дорожной сумкой Клейтона? Его жена...

– Знаю, – нелюбезно перебил Миллер, – он оставил ее у портье в клубе.

– Оставил?

– Наверное, второпях забыл, а когда спохватился, возвращаться было поздно.

– Что в ней?

– Обычные вещи. Пижама, рубашка, туалетные принадлежности, – послышался смешок, а потом вопрос: – А что вы, месье, рассчитывали найти в ней?

Пуаро в ответ закашлялся, а потом сказал:

– Что касается кинжала, то могу посоветовать показать его горничной миссис Спенс.

– Спенс? – Миллер присвистнул. – Мы показывали кинжал обоим супругам. Они как будто ничего не знают о нем.

– Спросите еще раз. И не откажите в любезности сообщить мне, что они вам ответят.

– Вы обнаружили что-то новое? – в голосе инспектора теперь звучало раздражение.

– Прочтите «Отелло», инспектор. Изучите героев. По моему, вы забыли одного из них!

Улыбаясь, Пуаро положил трубку и затем набрал номер леди Чатертон. Телефон был занят. Детектив позвал камердинера Джорджа и поручил ему набирать номер, по-

ка не ответят. «Эта леди Чатертон неисправимая болтушка!» – сказал он себе со вздохом.

Пуаро сел, расслабил шнурки лакированных полуботинок и откинулся на спинку кресла.

«Старый я стал, быстро устаю. Однако мое серое вещество продолжает работать без перебоев. Медленно, но верно. «Отелло»! Кто мне напомнил о героях славного Шекспира? Ах да, миссис Спенс. Дорожная сумка, труп как будто заснувшего человека. Хорошо подготовленное убийство! Предварительно все обдумано до мельчайших деталей. Полагаю, что финал доставил убийце большое удовольствие!»

Вошел Джордж и сказал, что леди Чатертон у телефона.

– Это Эркюль Пуаро, мадам! Можно поговорить с вашей гостьей?

– Разумеется, месье Пуаре! Вы совершили чудо?

– Нет еще. Но не исключено, что скоро...

Трубка была уже у Маргариты Клейтон.

– Мадам, когда я вас спрашивал о чем-то необычном в тот вечер, вы ответили, что ничего особенного не заметили. А вот не вспомните ли, ширма стояла на своем обычном месте?

– Ширма?.. Подождите, надо подумать, – наступила тишина. Наконец после паузы женский голос тревожно проговорил: – Пожалуй, она была сдвинута. Но...

– Вы танцевали? – поспешил задать следующий вопрос Пуаро.

– Да, почти весь вечер.

– С кем больше всего?

– С Джереми Спенсом. Он чудесно танцует. Чарльз по-

движен, но не более того. Джек Макларен вообще не танцует. Он ставил пластинки.

– А потом вы слушали классическую музыку?

– Да.

– Вы или миссис Спенс входили в соседнюю комнату, чтобы посмотреть в трюмо?

– Нет.

Наступило молчание.

– Месье Пуаро, что все это значит? Есть ли надежда?

– Знаете, мадам, что переживают люди, которые вас окружают?

– Наверное, знаю, – ответила слегка удивленная женщина.

– Нет, по-моему, не имеете ни малейшего представления. Это трагедия жизни, состоящей из страстей человеческих. Мне напомнили об «Отелло». Я спрашивал, был ли ревнив ваш муж? Вы ответили мне чересчур поспешно и неопределенно. Как Дездемона, не сознававшая опасности. Она тоже не понимала, какую угрозу может таять ревность, так как сама никогда не ревновала. Сдается мне, что она еще не знала сильной страсти. Ей неведома была страсть, которая сводит людей с ума. Хорошо ли вы меня понимаете, мадам?

Миссис Клейтон помолчала, после чего ответила нежным, слегка растерянным голосом:

– Простите, месье, но я не понимаю, что вы хотите сказать.

Пуаро после недолгих раздумий сказал:

– Позвольте, мадам, сегодня вечером навестить вас.

ИНСПЕКТОРА Миллера было намного труднее убедить в необходимости этой встречи. Но Эркюль Пуаро не отступал, пока не добился своего. Миллер поворчал, но в конце концов согласился. Пожалуй, скорее из любопытства, нежели веря, что этот надоедливый бельгиец смог заполучить какие-то новые сведения об убийстве в доме Чарльза Рича.

– Но все же хотел бы знать, какое отношение к этому делу имеет леди Чатертон? – сердито проговорил Миллер.

– Никакого. Просто она предоставила временное убежище своей подруге. Да, инспектор, я просил еще раз поинтересоваться, кому принадлежит кинжал.

– Вы говорите о Спенсах? Интересно, откуда вам это стало известно?

– Это только догадка! Она основана на реакции Джереми Спенса, когда он категорически отверг предположение, что оружие принадлежит миссис Клейтон. И еще один нюанс... Так что вам сказал Спенс?

– Признался, что у них этот кинжал служил украшением в коллекции заморских диковинок. Однако несколько недель назад кинжал исчез. Спенсы удивлялись, но вещь это малоценная, и они вскоре забыли о пропаже. Вывод напрашивается сам собой: Рич, бывая в гостях у Спенсов, похитил оружие.

– Что же в первый раз Джереми Спенс не признал свою вещь?

– Говорит, что был невнимателен.

– Ха! Ловок же этот Спенс! Я заеду за вами, инспектор...

Такси остановилось перед домом леди Чатертон. Пуаро расплатился с шофером.

Маргарита Клейтон ждала в салоне на втором этаже. При виде Миллера лицо ее окаменело.

– Я не ждала, что...

– Миссис Клейтон, – перебил ее Миллер, – хочу подчеркнуть, желаете вы того или нет, правда восторжествует! Ваш супруг был убит.

– А сейчас поговорим о том, кто его убил, – поспешил добавить Пуаро. – Разрешите присесть, мадам?

Маргарита медленно кивнула.

– Прошу вас, – продолжал детектив, – терпеливо выслушать меня. Кажется, я знаю, что произошло в квартире майора Рича в тот трагический вечер. Мы исходили из ошибочного предположения, что только два человека – майор и его слуга – могли укрыть труп в сундуке. Однако кто-то еще располагал такой возможностью.

– Но кто же? – со скептической усмешкой перебил его Миллер. – Может быть, лифтер?

– Нет. Арнольд Клейтон.

– Что?! – вскричал инспектор, делая попытку подняться. – И чтобы слушать этот бред, вы притащили меня сюда? Клейтон скрыл свой собственный труп!

– Прошу вас, инспектор, сядьте, – спокойно проговорил Пуаро. – Конечно, он не прятал собственный труп. В двух словах: он – живой! – укрылся в сундуке. Увы, такое встречается не только в романах о любовных похождениях.

Миллер и миссис Клейтон с недоверием смотрели на детектива.

– Мне подсказало это мое серое вещество, когда я увидел несколько дырок, пробитых в деревянной стенке сун-

дука. Слуга предположил, что это следы древоточца, но срез дерева свежий. Зачем, спросите вы? Чтобы внутрь поступал воздух. Зачем была сдвинута ширма? Чтобы скрыть сундук от глаз присутствовавших. Таким вот образом ваш супруг, мадам, притаился там и мог время от времени приподнимать крышку, чтобы расправить затекшие конечности и лучше слышать, о чем говорят в комнате.

– Но зачем?! – воскликнула изумленная женщина. – Зачем это понадобилось Арнольду?

– И вы, мадам, задаете мне этот вопрос? Ваш муж был ревнивцем. Человеком необщительным. «Замкнутым», как его охарактеризовала ваша приятельница Линда Спенс. Ревность разгоралась и становилась все мучительнее, она полностью овладела им.

С лица инспектора не исчезало недоверие, но слушал Пуаро он внимательно.

– Ему не давало покоя подозрение, что вы стали любовницей Рича. И Клейтон решил во что бы то ни стало выяснить это. Наверное, он полагал, что по вашему поведению, по вашему разговору с майором можно будет безошибочно ответить на терзавший его вопрос. Да... Так появилась телеграмма, которая не существовала. Приготовленная в дорогу сумка оставлена в клубе. Ваш муж вошел в дом Рича, зная, что того нет дома. Слуге сказал, что намерен написать записку и отослал его из гостиной. Остался один. Поспешно провертел несколько дырок в стенке сундука – так было задумано заранее. Кстати, инспектор, вы исследовали перочинный нож, который находился в кармане мистера Клейтона?

Миллер с кислой миной посмотрел на потолок.

– Ну ничего, еще не поздно. Итак, мадам, ваш муж открывает сундук и прячется в нем, уверенный, что в этот вечер он узнает все. Может быть, он даже допускал, что вы, покинув дом майора, позже вернетесь.

– О, боже!.. – промолвила Маргарита.

– Да, мадам, распаленный ревностью до последней черты, Арнольд Клейтон приготовился к самому худшему.

– Но простите, месье! – вскричала женщина. – Кто же его убил?! Не сам же! Нет, это просто дикое предположение.

– Некто другой позаботился об этом. Да, это было убийство. Давно задуманное и хорошо подготовленное. Пардон, но я снова об «Отелло». Вспомните Яго, честного, верного друга, которому доверяли без тени сомнения. Арнольд Клейтон тоже верил одному человеку. И именно тот очень тонко разжигал его ревность, доведя в конце концов до исступления. Сам ли Арнольд Клейтон придумал этот фокус с сундуком? Возможно, но я не уверен. Острый кинжал, украденный за несколько недель до этого у Спенсов, был наготове. Наступил вечер. Слабый свет, звучит музыка, две пары танцуют. А кто-то ставит пластинки. Рядом испанский сундук, закрытый ширмой. Став за ширму, злодей приподнимает крышку и наносит смертельный удар острым клинком.

– И Клейтон не издал ни звука! – взвился инспектор.

– Нет, он спал. Да, спал! Вспомните, Борджес заявил, что труп был в позе спящего человека. Клейтон спал, выпив рюмку виски, как я думаю, со снотворным. Кстати, инспектор, на вскрытии вы тоже не настаивали?

Миллер молчал.

– Единственный, кто мог подсунуть это пойло Клейтону, был тот, кто выпивал с ним в клубе.

– Джек! – ахнула женщина, заломив руки. – Джек?! Нет, нет! Я его знаю с детских лет. Зачем это было нужно ему?.. Что вы говорите, одумайтесь!

– Пардон, мадам.

– Нет, вы ответьте мне, пожалуйста, почему...

– А почему два итальянца стрелялись на дуэли? – позволил себе детектив перебить даму. – Почему один молодой человек покончил с собой? Джек Макларен – человек не экспансивный. Наверное, он примирился с участью остаться другом дома до конца дней своих. Но вот появляется Рич, видный интересный мужчина, и Макларен угадывает, что вы начали симпатизировать новому знакомству. Это было уже чересчур! Макларен ослеплен завистью, ненавистью и вспыхнувшей новой страстью к красивой женщине. У него постепенно рождается дьявольский план, как одним ударом кинжала убрать со своей дороги двух человек. Он был уверен, что Рич и только Рич будет признан виновным в убийстве. Простите, мадам, за цинизм, но капитан считал, что так получает шанс на обладание вами. Не сразу, конечно, со временем... Может быть, так это и произошло бы?

Маргарита Клейтон с ужасом смотрела на детектива.

– Может быть – каким-то бесцветным голосом произнесла она. – Не знаю...

Молчавший до этого инспектор Миллер с суровым видом встал и заговорил тоном решительным и строгим.

– Все это звучит довольно забавно, Пуаро. Но это лишь версия и ничего больше. Нет абсолютно никаких доказательств, что все было так, как вы нам здесь рассказали.

– Все было именно так.

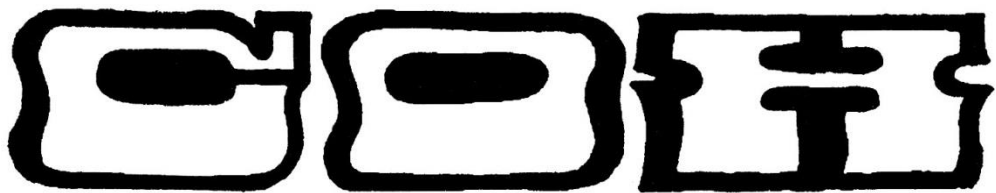
– О, господи! Месье Пуаро, вы, как я слышал, опытный криминалист. Как же можно строить обвинение на одних догадках и предположениях? Ни одной улики, ни одного свидетеля!

– Ошибаетесь, мой друг, – кротко возразил Пуаро. – Кое-что я уже подсказал вам. А с другой стороны, более чем уверен, что Макларен сам признается, если ему станет известно, что миссис Клейтон все знает. Он поймет, что потерял ее навсегда и что игра проиграна.

Инспектор скривился, как от зубной боли. Маргарита Клейтон сидела с низко опущенной головой. Последнее слово было за Эркюлем Пуаро:

– Нет безупречных преступлений, дорогой Миллер!

Пер. с англ. В. Рощаховского

ЭРКЮЛЬ Пуаро стоял на тротуаре и осматривал Нортвей-Хауз, четырехэтажный дом на противоположной стороне улицы. Дом возвышался сплошной темной громадой, лишь в нескольких окнах виднелся свет. Взгляд Пуаро скользнул вдоль улицы. Слева – неоновые огни нескольких магазинов, справа – глухая фабричная стена, а дальше – высокие блочные здания с дешевыми квартирами.

Он снова повернулся к Нортвей-Хаузу. Это сумрачное здание, некогда высокое, монументальное, на фоне нищенских хибар и веселых зеленых лужаек, со временем утратило прежнее величие и теперь выглядело анахронизмом среди построек современного Лондона; как всякий анахронизм, оно было неказисто, хотя здесь и проживал один из самых богатых людей королевства.

Бенедикт Фарли, этот эксцентричный миллионер, предпочитал не рекламировать свою резиденцию. Да и его самого редко видели в публичных местах, разве что на деловых совещаниях. И все же этого было достаточно. Тощая фигура, острый нос и скрипучий голос давно стали «визитной карточкой» миллионера, быстро узнавались среди других директоров и крупных держателей акций. Несмотря на уединенный образ жизни, малопривлекательную внешность и своенравный характер, его часто вспоминали в самых различных кругах, впрочем, как и других, ему подобных, чьим ореолом служили миллионы. Молва говорила не только о странной скупости Бенедикта Фарли, которая иногда – не слишком часто – чередовалась с невероятной щедростью. Не только о том, что для своих 78 лет он еще вполне бодр; обсуждались и более интимные подробности. Например, стал нарицательным его залатанный халат, в котором он, случалось, принимал посетителей в домашнем кабинете. Утверждали, что его любимым блюдом являются постный капустный суп и черная икра. И еще дивились, может быть, самому странному его чудачеству – Бенедикт Фарли люто ненавидел кошек, один вид этих пушистых безобидных четвероногих приводил его в бешенство.

Эркюль Пуаро тоже кое-что слышал о миллионере. И вот теперь он здесь, в кармане его пальто письмо с приглашением посетить Бенедикта Фарли.

После молчаливого осмотра громоздкого здания-памятника Пуаро поднялся по ступенькам лестницы к входной двери и позвонил, предварительно взглянув на элегантные ручные часы, которыми недавно он заменил своего давнего любимца – большие карманные часы старинной работы, которые формой напоминали репку. Девять тридцать вечера. Как всегда, Эркюль Пуаро был точен до минуты.

Дверь открыл вышколенный лакей, чья фигура возникла в проеме освещенного холла.

– Мистер Бенедикт Фарли? – вежливо осведомился Пуаро. Бесстрастный, но вполне цепкий и проницательный взгляд окинул его с головы до ног.

– Вам назначена встреча? – прозвучал учтивый баритон.

– Да.

– Ваше имя, сэр?

– Месье Эркюль Пуаро.

Лакей поклонился и отступил в сторону. Детектив вошел. Сзади раздался звук закрываемой двери. Лакей не протягивал руки за шляпой, а смотрел выжидательно – предстояла еще одна формальность. Пуаро вынул из кармана пальто сложенное письмо и подал его лакею. Тот приценился к бумаге еще одним похожим взглядом и возвратил письмо с поклоном. Пуаро положил письмо в карман. Содержание его было коротким:

Нортвей-Хауз, Запад, 8.
Месье Эркюлю Пуаро.

Дорогой сэръ!

Мистер Бенедикт Фарли желает воспользоваться вашим советом. Если для вас это представляется удобным, он был бы рад видеть вас по указанному адресу в 9.30 вечера завтра (четверг).

С уважением.

Хьюго Корнуэрти, секретарь.

P.S. Прошу это письмо иметь при себе.

Лакей быстро освободил Пуаро от шляпы, палки и пальто.

– Прикажете проводить вас в комнату мистера Корнуэрти? – сказал он и пошел вверх по лестнице, не ожидая ответа.

Пуаро последовал за ним, осматривая по пути богатые и яркие картины, статуэтки, резьбу по дереву, бронзовое литье, мрамор. Пуаро питал слабость к такого рода интерьерам, поэтому неудивительно, что он немного поотстал от лакея. На втором этаже тот остановился и постучал в одну из дверей.

Пуаро удивленно приподнял брови. Хорошие лакеи не стучат в дверь – а ведь это, несомненно, перwokлассный лакей!

Должно быть, детектив столкнулся с одной из эксцентричностей миллионера, пусть и пустяшной.

Голос изнутри произнес что-то неразборчивое. Лакей приоткрыл дверь и доложил, не переступая порог (и снова Пуаро отметил отклонение от традиции):

– Джентльмен, которого ждали, сэр!

Пуаро вошел в комнату. Она была приятного вида, меблирована просто, но со вкусом. Служебная комната с большой библиотекой, легкими креслами и широким импозантным бюро, покрытым бумагами, разложенными в художественном беспорядке. Углы комнаты были затемнены, единственный свет давала большая настольная лампа с зеленым абажуром, которая стояла на маленьком столике. Лампа была установлена так, что сноп ее света падал на того, кто входил в двери. Пуаро моргнул, подумав, что в ней не меньше, чем ватт 150. В кресле, в глубине комнаты, сидел человек в залатанном халате – Бенедикт Фарли. Голова его была наклонена вперед, острый нос выпячивался как клюв. Прядь белых волос падала на лоб, спускаясь почти до глаз. Глаза скрывались за толстыми линзами. Во всем его виде угадывались настороженность и подозрительность.

– Ага! – сказал он наконец. Голос его был пискляв и в то же время груб. – Значит, вы и есть Эркюль Пуаро?

– К вашим услугам, – вежливо поклонился детектив и положил руку на спинку свободного кресла.

– Садитесь, садитесь, – нервно сказал старец.

Эркюль Пуаро сел в освещенный лампой круг. Фарли продолжал внимательно смотреть в его сторону.

– Могу ли я быть уверенным, что вы действительно частный детектив из Бельгии по имени Эркюль Пуаро? – раздраженно проговорил он. – Кажется, вам следовало бы...

Он красноречиво замолчал, а всемирно известный детектив снова извлек из кармана письмо и подал его миллионеру.

– Ну-ну, – протянул тот. – Это как раз то, что следовало предьявить сразу же. Именно так я и велел написать Корнуэрти. Значит, вы и есть Пуаро? – с этими словами он сложил письмо и швырнул его детективу.

Легким движением руки Пуаро поймал сложенный лист бумаги и сказал с легкой усмешкой:

– Уверяю, что это я, а не мой двойник.

Бенедикт Фарли неожиданно засмеялся.

– Думаете, ну и подозрителен же этот старик, да? А знаете, так оно и есть! Не верю никому. Не могу верить, так как богат. Не могу, не могу и не хочу!

– Вы желаете проконсультроваться у меня? – учтиво произнес Пуаро

Старец кивнул.

– Да, именно это я и хочу сделать. Всегда покупаю все только самого хорошего качества. Это мой девиз. Приглашаю нужного специалиста и не спрашиваю, во что он мне обойдется. Вы ведь заметили, месье Пуаро, что я не поинтересовался, какой вы попросите гонорар. И не хочу! Пришлете мне счет потом – не сомневайтесь, не порву его в клочки. Хотя... бывает, глупцы запрашивают три фунта за яйца, когда на рынке они не стоят и двух. Нет, меня не проведешь! Но другое дело – специалисты высокого класса... Они стоят денег. Я и сам стою денег. А?

Эркюль Пуаро не отвечал. Он слушал внимательно, слегка наклонив голову на плечо.

За его искусной маской вежливости скрывалось разочарование и даже легкое раздражение. В немалой степени Бенедикт Фарли соответствовал образу, который создали ему слухи. И все же Пуаро был разочарован.

«Этот человек, – сказал он себе брезгливо, – шарлатан, именно шарлатан, которому нравится разыгрывать передо мной какую-то роль. Но играет он ее как провинциальный актер!..»

За свою долгую практику Эркюль Пуаро встречал немало миллионеров, среди них было достаточно чудаков и людей эксцентричных. Но почти всегда ощущалась их сила, внутренняя энергия, аналитический ум, что пробуждало уважение к ним и заставляло прощать их слабости. Если они и были одеты в заштопанный халат, то только потому что питали к нему привязанность, что-то особенное из прошлого он напоминал им. Но халат Фарли, по твердому убеждению детектива, был только декорацией для умышленной демонстрации своего чудачества. И все поведение этого человека выглядело неискренним, чувствовалась какая-то наигранность. Каждое слово – в этом Пуаро был уверен – должно было производить эффект. Но с какой целью? Чего, собственно, хочет от него этот неприятный человек?

Не теряя хладнокровия, Пуаро повторил:

– Вы хотели получить консультацию, мистер Фарли?

Манеры миллионера мгновенно переменились. Он подался вперед. Голос его превратился в карканье.

– Да, да... Хотел услышать, что вы мне скажете, что думаете... Да, приступим... Это мой метод! Самый лучший врач, самый лучший детектив... Лучше, чем...

– Простите, сэр, я все еще не понимаю.

– Естественно, – осклабился Фарли. – Я и словом не обмолвился о своем деле.

Он высунулся из кресла и выстрелил внезапным вопросом:

– ЧТО вы знаете о снах, месье Пуаро?

Маленький бельгиец поднял брови. Он ожидал всего, но чтобы сны?..

– По этому вопросу, мистер Фарли, могу порекомендовать «Книгу снов Наполеона» или советы видного психиатра с Харли-стрит.

Бенедикт Фарли ответил вполне серьезно:

– Обращался, и не только к ним.

После паузы миллионер заговорил вначале шепотом, а потом постепенно повышал голос.

– Один и тот же сон... каждую ночь. Я боюсь, говорю вам, боюсь! Всегда один и тот же. Отчетливо вижу: я сижу в своем кабинете, здесь, за стенкой. Сижу за столом и пишу. Там есть часы, гляжу на них и вижу время – три часа двадцать восемь минут. Всегда одно и то же время, вы понимаете? И когда я вижу эти часы, месье Пуаро, я знаю, что нужно что-то сделать! Не хочу этого делать, но чувствую, что должен...

Голос его вибрировал, срывался. Пуаро сказал как можно спокойнее:

– И что же это такое, что вы должны сделать?

– В три часа двадцать восемь минут, – хрипло выдавил Бенедикт Фарли, – я открываю ящик стола справа, достаю револьвер, который лежит там, снимаю предохранитель и иду к окну. И тогда... тогда...

– Да?

Бенедикт Фарли прошептал:

– Тогда я стреляю в себя...

Наступила тишина. Потом Пуаро спросил:

– Это и есть ваш сон?

– Да.

– Каждую ночь?

– Да.

– Что происходит после выстрела?

– Я просыпаюсь.

Пуаро задумчиво кивнул.

– Хочу поинтересоваться, вы действительно держите револьвер в этом ящике?

– Да.

– Почему?

– Такой порядок... Я завел его давно... Чтобы всегда был готов.

– Готов к чему?

Фарли ответил раздраженно:

– Люди моего положения обязаны остерегаться. Все богатые имеют врагов и завистников.

Детектив решил не углубляться в эту тему и спросил:

– Почему вы пригласили именно меня?

– Сейчас скажу... Я начал консультироваться с врачами. Точнее, с тремя известными врачами.

– И что же?

– Первый сказал, что все дело в диете. Он, кстати, старше меня. Второй значительно моложе – современной, так сказать, школы, уверял меня, что сон связан с каким-то действительным событием, происшедшим в раннем детстве. Мол, что-то такое произошло у меня в три часа двадцать восемь минут. И для того, чтобы избавиться от этого наваждения, я должен вспомнить это событие.

– А третий врач?

Голос старца снова стал писклявым и злобным.

– Этот еще моложе. Приверженец нелепой теории. Утверждал, что я устал от жизни, что жизнь мне настолько опротивела, что я подсознательно хочу покончить с собой! Когда бодрствую, я гоню от себя эту мысль, а во сне она снова и снова возвращается ко мне.

– Иными словами, он считает, что в глубине души вы склоняетесь к тому, чтобы покончить счеты с жизнью?

Миллионер даже взвизгнул от гнева.

– Только ненормальному могла прийти такая мысль! Я счастлив, что живу! Имею все, что пожелаю... Все, что можно купить за деньги. А купить, скажу вам, можно почти все. Это фантастическая власть!.. Вы даже не можете себе представить, что это такое. И добровольно отказаться от этого?!

Пуаро посмотрел на него с любопытством. Что-то в его жестах, в вибрирующей пискливости голоса, в буйном проявлении эмоций отдавало нарочитостью и вызывало сомнения в искренности. Неврастеник? Страдающий манией преследования? Вопросов было много, но Пуаро удовлетворился короткой репликой:

– А какова моя роль, сэр?

Бенедикт Фарли внезапно – словно заводная кукла – успокоился и замер. Потом получил указательным пальцем по столу.

– У меня есть своя версия. И если она верна, то вы мне просто необходимы! Мне сказали, что вы известный сыщик, что в вашей практике были сотни самых фантастических, самых невероятных случаев. Поэтому очень может быть, что вы встречались с чем-то подобным!

– То есть?

Голос миллионера понизился до шепота.

– Предположим, кто-то замыслил убить меня. Может, для этого он разработал адский план...

– Какой же?

– Внушать мне один и тот же сон каждую ночь!

– Вы имеете в виду гипноз?

– Именно!

Пуаро задумался.

– Пожалуй, нельзя исключить такую возможность, – сказал он. – Но и в этом случае вам скорее поможет врач.

– А было нечто похожее в вашей практике?

– Нет, такого не было.

– Но вы видите, как меня подталкивают к этому? Внушают один и тот же сон из ночи в ночь, из ночи в ночь... И потом... Потом однажды я не вынесу напряжения и сделаю наяву то, что мне внушают во сне. Самоубийство! Это ужасно...

Эркюль Пуаро медленно покачал головой.

– Не допускаете такую возможность? – быстро спросил Фарли.

– Возможность? – Пуаро снова покачал головой. – По моему, это невероятно.

Фарли пробормотал: «И доктор сказал то же самое...»

А потом вдруг завопил:

– Но почему один и тот же сон? Почему?

Детектив пожал плечами.

– Вы абсолютно уверены, что никогда ничего подобного не встречалось в вашей практике? – спросил старец.

– Никогда.

Миллионер вздохнул.

– Вот все, что я хотел знать.

Пуаро деликатно откашлялся.

– Позвольте, сэр, один вопрос.

– О чем? Какой вопрос? Спрашивайте, если вам нужно.

– Кого вы подозреваете в желании убить вас?

– Конкретно? Никого! Абсолютно никого!

– Но каким образом сама эта идея пришла вам на ум? – упорствовал Пуаро.

– Ну, как сказать... Просто решил проверить, возможно ли это.

– А приходилось ли вам когда-нибудь подвергаться гипнозу?

– Конечно, нет! Неужели вы думаете, что мне мог бы кто-нибудь предложить эту глупость?

– Тогда скажу еще раз: ваша версия совершенно невероятна.

– Но сон, чудак вы этакий, сон!

– Сон действительно необычный, – согласился Пуаро, морща лоб. Он помолчал, а затем сказал: – Извините, мистер Фарли, но нельзя ли увидеть сцену самой драмы? Письменный стол в кабинете, часы, револьвер?

– Ради бога – милостиво разрешил хозяин. – Ступайте в соседнюю комнату, она открыта. Вход с лестничной площадки...

Запахнув полы латаного халата, старец наполовину высунулся из кресла. Потом вдруг, словно его поразила какая-то неожиданная мысль, он резко бросил:

– Нет! Нечего там смотреть. Я сказал все, что надо было сказать.

– Простите, но мне хотелось бы увидеть собственными глазами.

– Нет необходимости, – зло буркнул миллионер. – Вы высказали свое мнение – и это все, что от вас требовалось.

Пуаро разочарованно развел руками и поднялся.

– Как хотите. Сожалею, сэр, что не мог быть вам полезен.

Бенедикт Фарли посмотрел на детектива в упор.

– Не терплю разных ловкачей, что трутся возле богатых людей, – вызывающе проговорил он. – Буду откровенен. Я рассказал вам все факты, но вы ничего не почерпнули из них. На этом я ставлю точку. Но... Можете прислать мне счет. Я оплачу.

– Непременно, – сухо ответил Пуаро и поднялся.

– Минутку! – остановил его миллионер. – Я о письме. Верните мне его.

– Письмо вашего секретаря?

– Да.

Пуаро недоуменно пожал плечами, достал из кармана сложенный лист бумаги и подал хозяину дома. Тот внимательно рассмотрел его и положил на столик.

Пуаро направился к двери. Он был озадачен. Его деятельный мозг с огромной скоростью прокручивал детали этой странной беседы, особенно ее заключительной части. Детектив испытывал такое чувство, что что-то ускользнуло от его внимания, что он в чем-то ошибся.

И уже когда пальцы коснулись дверной ручки, мозг его прояснился. Пуаро быстро повернулся.

– Тысяча извинений! Заинтригованный вашей проблемой, я допустил оплошность... Письмо, которое отдал вам, я вынул не из того кармана.

– Что? Что?!

– Простите, но письмо, которое я только что отдал вам, это письменное извинение моей прачки относительно недостаточно хорошо отстиранных воротничков... – Пуаро виновато улыбнулся и сунул руку в левый карман. – А это вот ваше письмо.

Бенедикт Фарли протянул руку к листку бумаги и сердито засопел.

– О черт! – прорычал он. – Надо быть внимательнее!

Пуаро взял послание своей прачки, еще раз извинился и покинул рассерженного миллионера.

Детектив закрыл дверь и, сделав несколько шагов, на миг остановился на площадке лестницы. Она была обширной, вроде холла. Напротив, у стены, стояла большая дубовая скамья и такой же массивный стол перед ней; наверняка вещи старинные. Имелись также два кресла и столик с цветами. Это смешение стилей почему-то напомнило Пуаро приемную дантиста. На площадку выходили две двери. Из одной он только что вышел, вторая вела в кабинет хозяина.

Лакей ждал внизу, чтобы проводить гостя к выходу.

– Вызвать такси, сэр?

– Нет, благодарю. Вечер тихий, теплый. Пройдусь пешком.

Пуаро подождал, пока прервется поток машин на этой, довольно оживленной, улице, и пересек ее. Он снова остановился на тротуаре в том месте, где простоял несколько минут перед визитом к Фарли.

Морщины бороздили лицо детектива.

– Нет, – вслух сказал он себе. – Нет, ничего не понимаю. Какой смысл был приглашать меня? Никакого! С не-

удовольствием должен признать, что я, Эркюль Пуаро, испытываю некоторую растерянность. М-да...

ЭТО было, если можно так выразиться, первое действие драмы. Второе последовало через неделю. Оно началось с телефонного звонка доктора Джона Стиллингфлита, который, несмотря на значительную разницу в возрасте, был с Пуаро на короткой ноге. Детектива не раздражал фамильярный тон, который иногда, в беседах, позволял себе Стиллингфлит, скорее, приятельская вольность в поведении доктора забавляла его. И забавляла, наверное, потому, что Джон был отличным врачом и обладал к тому же веселым нравом.

– Это ты, Пуаро, старый жеребец? Узнаешь своего приятеля Стиллингфлита?

– Да, дружище. Зачем это я тебе понадобился?

– Звоню тебе из Нортвей-Хауза Бенедикта Фарли.

– Вот как! – не скрыл удивления Пуаро. – И как поживает мистер Фарли?

– Фарли мертв, застрелился сегодня после обеда.

Пуаро не нашелся, что сказать, только протянул:

– Ну и ну...

– Ты удивлен или не очень? Что-нибудь знаешь об этом богаче?

– Почему это пришло тебе в голову?

– Э-э!.. Представь себе, тут нет ни блестящей дедукции, ни телепатии. У него на столе нашли записку к тебе, с приглашением. Написана неделю тому назад.

– Понимаю.

– Здесь, рядом со мной, один весьма миролюбивый по-

лицейский инспектор. Он полагает, что ты можешь пролить немного света на эту историю. Если так, то не приедешь ли сюда?

– Сейчас же и отправлюсь.

– Очень хорошо, старина. Какая-то грязная бульварная история, не так ли?

Пуаро повторил, что скоро будет.

– Не хочешь объясняться по телефону? Очень верно! Пока!

Через четверть часа Пуаро сидел в библиотеке – тихой, длинной комнате в задней части первого этажа Нортвей-Хауза. Кроме него, в комнате находилось еще пять человек. Инспектор Барнет: доктор Стиллингфлит; миссис Фарли, вдова миллионера; Джоан Фарли, единственная дочь покойного; и, наконец, Хьюго Корнуэрти, бывший личный секретарь.

Инспектор Барнет был человеком сдержанным, немногословным, с бросающейся в глаза военной выправкой. Доктор Стиллингфлит, чьи профессиональные манеры совершенно не походили на несколько развязный стиль его телефонных бесед, был высоким молодым человеком лет тридцати с удлинённым симпатичным лицом. На людях с Пуаро он держался подчеркнуто вежливо, с «месье» и непременно «вы». Пуаро также держал марку. Миссис Луиза Фарли явно была моложе своего покойного мужа. Красивая, изящная, темноволосая женщина. Губы ее были плотно сжаты, а черные глаза ничем не выдавали чувств. Похоже, вдова полностью владела собой. Джоан Фарли имела светлые волосы и веснушчатое лицо. Вне сомнений, форму носа и брови она унаследовала от отца и это был,

конечно, недостаток ее внешности. А вот глаза ее были теплыми, умными и проницательными. Во внешности Хьюго Корнуэрти не было ничего примечательного. Выглядел он интеллигентным и деловым человеком, как и полагается доверенному лицу крупного дельца. Соответствовал этому и его элегантный костюм.

После приветствия и представления Пуаро изложил просто и ясно подробности своего визита и историю, рассказанную ему Бенедиктом Фарли. Он не мог пожаловаться на отсутствие интереса у слушателей.

– Никогда не слышал более странной истории! – признался инспектор. – Сон! Вы знали об этом, миссис Фарли?

Та согласно кивнула головой.

– Муж мне рассказывал. Его очень беспокоили эти сны. Я бы сказала, даже пугали... Я считаю, что это результат беспорядочного питания. У него была диета... довольно необычная. Он не желал считаться со своим возрастом... Я настоятельно рекомендовала ему обратиться к доктору Стиллингфлиту. А он ответил, что сам знает, что ему делать...

– Он со мной не консультировался, я впервые слышу об этих снах, – отозвался молодой врач. – Из рассказа месье Пуаро я понял, что мистер Фарли посещал доктора на Харли-Стрит и еще кого-то. Это можно будет проверить.

– Да, – подтвердил Пуаро. – Но я все же хотел бы кое-что выяснить у вас, доктор. Мистер Фарли говорил о диагнозах трех специалистов. Что вы можете сказать по этому поводу?

Стиллингфлит поморщился.

– Видите ли, то, что покойный передал вам, вероятно, не совсем соответствует действительности. Я бы назвал это синдромом интерпретации неспециалиста.

– Вы имеете в виду неверную фразеологию?

– Я хочу сказать, что врачи, давая объяснения, наверняка использовали профессиональные термины. А мистер Фарли, схватив их значение, передал содержание своими словами, возможно, не вполне адекватно.

– Вы тоже не знаете, с кем он консультировался? – обратился Пуаро к вдове. Миссис Фарли покачала головой, а Джоан заметила:

– Никто из нас не имеет представления об этих консультациях.

– А о снах он вам говорил? – спросил девушку Пуаро.

Та ответила отрицательно.

– А вам, мистер Корнуэрти?

– Нет, – твердым голосом ответил секретарь. – Ни о чем подобном у нас с ним не было разговоров. Письмо вам я написал под его диктовку, но не имел представления, по какому вопросу он желает беседовать с вами. Я думал, речь пойдет о каком-либо правовом казусе.

Пуаро спросил:

– А сейчас, инспектор, не сообразовали ли сказать, какими фактами о смерти мистера Фарли располагаете вы?

Инспектор Барнет вопросительно глянул на миссис Фарли и доктора и, приняв их молчание за знак согласия, взял роль рассказчика на себя.

– Мистер Фарли имел привычку работать в своем кабинете на втором этаже ежедневно в послеобеденное вре-

мя. Насколько я знаю, недавно по его инициативе было создано акционерное общество...

Он взглянул на секретаря, Корнуэрти пояснил;

– Общество почтовых линий.

– В связи с этим, – продолжал Барнет, – мистер Фарли согласился дать интервью двум представителям прессы. Он редко соглашался на встречу с репортерами – кажется, последняя такая встреча была лет пять назад. В тринадцать дня – ровно в назначенное время – два репортера явились в Нортвей-Хауз. Они ждали в приемной у кабинета мистера Фарли. В три двадцать явился курьер из офиса с какими-то бумагами. Его впустили в кабинет. Мистер Фарли занимался с ним пару минут, после чего проводил его к двери и сказал ожидавшим репортерам: «Сожалею, господа, что заставляю вас ждать, но мне надо завершить одно важное дело!»

Инспектор снова посмотрел на вдову и продолжал:

– Мистер Адамс и мистер Стоутерд заверили мистера Фарли, что будут ждать столько, сколько потребуется. Мистер Фарли ничего не сказал в ответ, вернулся в кабинет, закрыл за собой дверь. Никто больше не видел его живым!

– Продолжайте, пожалуйста, – попросил Пуаро.

– Часа в четыре, – передохнув, сказал инспектор Барнет, – мистер Корнуэрти вышел из своей комнаты, что находится рядом с кабинетом мистера Фарли, и увидел, что репортеры все еще ждут приема. Мистер Корнуэрти зашел в кабинет...

– Мне надо было подписать письмо, заодно я хотел выяснить, как быть с репортерами, – вставил Корнуэрти и тут же замолчал.

– К удивлению мистера Корнуэрти, он не увидел мистера Фарли на обычном месте за столом. Присмотревшись, он заметил, что из-за стола выглядывает носок ботинка. Мистер Фарли лежал на полу, он был мертв. Рядом валялся револьвер...

Из дальнейших слов инспектора следовало, что секретарь тут же позвонил доктору Стиллингфлиту. Тот порекомендовал немедленно связаться с полицией, что и было сделано.

– Вы слышали выстрел? – спросил детектив у Корнуэрти.

– Нет. На улице в эти часы большое движение, а окна открыты. И у меня в комнате, и в кабинете. Сегодня как-то душно...

Пуаро обратился к доктору Стиллингфлиту.

– В какое, предположительно, время наступила смерть?

– Я осмотрел тело сразу же, как приехал. Это было – я знаю точно – в шестнадцать тридцать две. Мистер Фарли был мертв не менее часа.

Пуаро нахмурился.

– Похоже, смерть наступила именно в то время, о котором он говорил мне – три двадцать восемь.

– Похоже, – согласился доктор.

– Отпечатки пальцев на рукоятке револьвера?

– Точного дактилоскопического анализа, естественно, еще не успели сделать, – ответил Барнет. – Но в первом приближении сомнений нет – отпечатки пальцев мистера Фарли.

– А сам револьвер?

На этот вопрос инспектор Барнет дал более подробный ответ.

– Это тот револьвер, что мистер Фарли держал в ящике письменного стола. Вы слышали о нем. Миссис Фарли без колебаний идентифицировала его. Предвижу, месье, ваши последующие вопросы. Скажу, что в кабинет есть только один вход – дверь на лестничной площадке. Два репортера сидели у этой двери и присягнули, что до того, как в четыре часа туда вошел мистер Корнуэрти, в кабинет больше никто не входил.

– Следовательно, есть основания считать, что это самоубийство?

Инспектор Барнет слегка усмехнулся.

– Вообще не было бы сомнений, если бы не одно обстоятельство.

– Какое?

– Письмо, которое послал вам мистер Фарли.

На этот раз усмехнулся Пуаро.

– Еще бы! Там, где замешан Эркюль Пуаро, непременно рождаются подозрения в убийстве!

– Именно так, – холодно подтвердил инспектор. – Однако, как вы объясните...

Пуаро приподнял руку:

– Пардон! Одну минуту...

Он повернулся к миссис Фарли:

– Скажите, мадам, вашего супруга когда-нибудь гипнотизировали?

– Никогда!

– А вообще гипнозом он интересовался? Например, читал специальную литературу?

Луиза Фарли отрицательно покачала головой:

– Мне, по крайней мере, это неизвестно.

Неожиданно она, кажется, потеряла самообладание.

– Этот ужасный сон! Такой неестественный! Он видел его каждую ночь... Каждую! От этого можно сойти с ума... Сон преследовал его и... довел до смерти!

Пуаро вспомнил выражение миллионера. «Потом однажды я не вынесу напряжения и сделаю наяву то, что мне внушают во сне. Самоубийство!»

– Приходило ли вам в голову, мадам, что ваш супруг может пойти на такой шаг?

– Нет... хотя... Хотя иногда он вел себя довольно странно.

Вмешалась Джоан Фарли, голос ее прозвучал презрительно и резко:

– Отец никогда бы не убил себя! Он очень дорожил жизнью и заботился о своем здоровье!

– Даже отменные жизнелюбы иногда могут испытывать депрессию и впадать в черную меланхолию, – вставил доктор Стиллингфлит. – Поэтому-то некоторые самоубийства бывают необъяснимы

Пуаро поднялся.

– Миссис Фарли, позвольте мне осмотреть комнату, где произошла трагедия.

Вдова обратилась в Стиллингфлиту:

– Конечно! Доктор, большая просьба, проводите меня Пуаро.

В СОПРОВОЖДЕНИИ доктора Пуаро поднялся по знакомой лестнице на второй этаж.

Кабинет Фарли оказался намного обширнее соседней комнаты, где располагался его секретарь. Об-

ставлен он был дорогой мебелью. На толстом пушистом ковре размещались два кресла, обитые тканью светлых тонов, и массивный письменный стол со старинными часами. Пуаро прошел к столу и устроился на темное пятно на ковре – оно было как раз напротив окна. Пуаро снова припомнил слова покойного: «В три часа двадцать восемь минут я открываю второй ящик стола справа, достаю револьвер, который лежит там, снимаю предохранитель и иду к окну... И тогда стреляю в себя».

– Окно было открыто?

– Да, – ответил доктор. – Но забраться в него никто бы не смог.

Пуаро высунул голову наружу. За окном не было ни выступа, ни карниза – вообще ничего, что позволило бы проникнуть в комнату снаружи. Не то что человеку, даже кошке. Напротив окна – глухая фабричная стена без единого оконца. Лестница?.. Пуаро еще раз высунулся и посмотрел вниз. Маловероятно. Высота значительная, да и влезть по лестнице среди бела дня... Лестницу сюда, лестницу обратно, а на улице полисмен...

Доктор не удержался от ехидного замечания.

– Любуешься пейзажем? Довольно веселенький видок для богача, привыкшего работать именно здесь. Решаешь-решаешь свои проблемы, а видишь только стену, которая очень напоминает тюремную.

– Да-а... – протянул Пуаро, рассматривая кирпичный горизонт. – Думаю, однако, что этой стеной все же нельзя пренебрегать...

Стилингфлит посмотрел на него с любопытством.

– С психологической точки зрения?

Детектив неопределенно хмыкнул и прошел к столу. Небрежно – или это только так выглядело – он взял тонкие щипцы с длинными витыми рукоятками изящной работы. Нажал рукоятку – и щипцы раскрылись. Манипулируя инструментом, Пуаро, не нагибаясь, поднял с пола обгоревшую спичку, которая валялась в нескольких шагах от стола, и заботливо перенес ее в мусорную корзину, откуда торчали обрывки каких-то бумаг. Детектив не удержался, чтобы не ковырнуть их кончиками щипцов.

– О, эти священнодействия великого сыщика! – с напускным пиететом заметил Стиллингфлит.

На что Эркюль Пуаро ответил:

– Великолепное изобретение и красивая работа, – он положил щипцы на стол. Потом спросил:

– Где были миссис и мисс Фарли в момент... смерти?

– Миссис Фарли, по ее словам, отдыхала у себя в будуаре на верхнем этаже. А мисс Джоан занималась рисованием в мастерской – маленькой комнатке на чердаке.

Эркюль Пуаро лениво забарабанил пальцами по столу. Прошла минута, другая, после чего он спросил:

– Как думаешь, удобно пригласить сюда мисс Фарли? Мне хотелось бы поговорить с нею... наедине.

Стиллингфлит удивленно посмотрел на Пуаро и промолвил с усмешкой:

– Попробую...

Прошло несколько минут, и в кабинет вошла Джоан Фарли.

– Мадемуазель, вы не возражаете, если я задам вам пару вопросов?

Девушка ответила ему холодным взглядом:

– Пожалуйста. Спрашивайте.

– Вы знали, что ваш отец держит в столе оружие?

– Нет.

– Не смогли бы вы припомнить, мадемуазель, где были вы и ваша мать... Простите, точнее ваша мачеха, я не ошибаюсь?

– Конечно, не ошибаетесь. Луиза – вторая жена отца, она только на восемь лет старше меня. Вы хотите знать, где мы были?

– Не сегодня! В четверг на прошлой неделе. Точнее – в четверг вечером. Постарайтесь вспомнить.

Девушка задумалась.

– В четверг?... Минутку... В четверг. Ах, да! Мы были в театре на спектакле «Маленькая собачка смеется».

– Вы не просили отца сопровождать вас?

– Он не посещает театр.

– Как он обычно проводил вечера?

– Сидел здесь и читал.

– Был не очень общительным человеком?

Джоан посмотрела прямо в глаза детектива.

– Отец мой, – отчеканила она, – был на редкость неприятной личностью. Это кощунственно говорить в день его смерти, но не сказать я не могу. Никто во всем доме не питал к нему теплых чувств. Никто!

– Да, мадемуазель... Это очень откровенное заявление.

– Я берегу ваше время, месье Пуаро. Вы и сами придете к такому выводу, когда поговорите с остальными. Моя мачеха вышла замуж за него исключительно из материальных соображений. Это ни для кого не секрет. Я живу здесь, в доме, только по одной причине – у меня нет денег,

чтобы жить где-нибудь в другом месте. Есть один... человек, с которым я была бы счастлива, но он беден. Когда отец узнал о нем, то тут же позаботился, чтобы этот человек остался без работы... Мне же заявил, что поступает так исключительно ради меня – побирושка не пара для богатой девицы.

– Вы прямая наследница?

– Да. Он оставил Луизе четверть миллиона фунтов, свободных от налога. Имеются и еще какие-то наследники. Но все остальное – мне. – Она неожиданно рассмеялась. – Так что, как видите, месье Пуаро, у меня были все основания желать смерти моему отцу.

– Вижу, мадемуазель, что вы унаследовали не только миллионы отца, но и его практичный ум.

Джоан в раздумье ответила:

– Да, отец был умен... В этом ему не откажешь. Но что проку? Чем больше он богател, тем больше отдалялся от близких, делался алчным, бесчеловечным...

Эркюль Пуаро вдруг прошептал:

– Боже, какой я идиот!

Джоан Фарли медленно направлялась к двери. Услыхав шепот детектива, она остановилась:

– Хотите еще что-то спросить, месье?

– Два маленьких вопроса. Эти изящные щипцы, – он кивнул в сторону стола, – всегда лежали здесь?

– Да, – усмехнулась девушка. – У отца была привычка пользоваться ими, чтобы брать разные предметы, не поднимаясь из кресла.

– И еще вопрос. У вашего отца было хорошее зрение?

– О, нет, он вообще не видел. Хочу сказать, что не мог

видеть без очков с очень сильными стеклами. У него еще в детстве было плохое зрение.

– А в очках?

– Видел нормально.

– И мог читать, например, мелкий шрифт в газете?

– Да.

– Это все, мадемуазель.

Она вышла из кабинета.

Пуаро с досадой пробормотал:

– Ох, и глупец же я! Не разглядеть то, что у тебя под носом! И все потому, что так близко!

Он высунулся в окно и еще раз посмотрел вниз. Там, внизу, на темной дорожке между домом и фабричной стеной, виднелся небольшой темный предмет.

ЭРКЮЛЬ Пуаро довольно усмехнулся и направился из кабинета на первый этаж. В библиотеке он застал все тех же людей. Остановившись у дверей, он обратился к секретарю:

– Извините, мистер Корнуэрти, но мне хотелось бы услышать от вас в деталях обстоятельства посланного мне приглашения. Когда, например, мистер Фарли продиктовал вам это письмо?

– В среду, во второй половине дня. Насколько помню, примерно в половине шестого вечера.

– Были ли какие-нибудь специальные указания относительно отправки письма?

– Мистер Фарли сказал, чтобы я лично отправил его.

– Так вы и поступили?

– Да.

– А давал ли мистер Фарли какие-либо инструкции лакею, касающиеся моего визита?

– Да. Было сказано, чтобы я передал Холмсу – лакею, что некий джентльмен придет в девять тридцать вечера. Он должен был узнать имя и затем попросить показать письмо.

– Столь специфические меры предосторожности! С чего бы это?

Корнуэрти поджал губы и посмотрел куда-то в угол. Затем сказал с расстановкой:

– Мистер Фарли был человек неординарный.

– Никаких иных указаний не было?

– Были, – насмешливо ответил секретарь. – Мистер Фарли сказал, что в четверг вечером я могу быть свободен.

– И чем вы занимались, если не секрет, в четверг вечером?

– После ужина я пошел в кинотеатр, потом в бар.

– А вернулись?

– В начале двенадцатого.

– И больше в этот день вы не виделись с мистером Фарли?

– Нет.

– А на другой день вы с ним не обсуждали ничего, что касалось бы моего визита?

– Нет.

Пуаро, который во время этого диалога прошел в центр библиотеки и сел напротив секретаря, немного помолчал и снова обратился с вопросом к Корнуэрти.

– Но вы знаете, что, когда я пришел, меня не пригласили в кабинет?

– Да, мне поручено было сказать Холмсу, чтобы он провел вас в мою комнату.

– Почему? Не знаете?

– Я никогда не обсуждал поручения мистера Фарли, – сказал Корнуэрти, и было видно, что он с трудом сдерживает раздражение.

– А других посетителей он принимал в своем кабинете?

– Да, но не всегда. Иногда встречался и в моей комнате.

– Для этого были какие-то причины?

Хьюго Корнуэрти немного замешкался.

– Не знаю... Как-то не думал об этом.

Повернувшись к вдове, Пуаро спросил:

– Вы разрешите мне познакомиться поближе с лакеем Холмсом?

– Разумеется, месье Пуаро.

Холмс явился почти мгновенно. Миссис Фарли жестом указала на детектива. Холмс почтительно поклонился.

– Слушаю вас, сэр.

– Холмс, скажите, пожалуйста, какие инструкции вы получили относительно моего визита в прошлый четверг?

Холмс на мгновение задумался, потом доложил:

– После ужина мистер Корнуэрти сказал мне, что сэр Бенедикт ожидает мистера Эркюля Пуаро в девять тридцать. Мне следовало удостовериться, этот ли джентльмен пришел, и посмотреть письмо, которое должно было быть при нем. Затем я должен был препроводить пришедшего в комнату мистера Корнуэрти.

– Вам было сказано, что вы должны постучаться в дверь?

Тень неприязни промелькнула на лице лакея.

– Это было одно из правил господина. Всегда стучать, когда сопровождаешь посетителя... Я хочу сказать, делового посетителя.

– О, это меня удивляет!.. Впрочем, оставим это. Были ли вам даны еще какие-либо распоряжения, касающиеся меня?

– Нет, сэр. Передав мне все, о чем я сейчас рассказал, мистер Корнуэрти ушел.

– В какое время состоялся разговор?

– Та-ак... – задумался Холмс. – Мне кажется, без нескольких минут девять.

– Видели ли вы мистера Фарли в тот вечер?

– Да, сэр. Как всегда, в девять часов вечера, я принес ему чашку с теплой водой.

– В кабинет или в комнату мистера Корнуэрти?

– Он был в своем кабинете, сэр.

– Заметили ли вы что-то необычное?

– Необычное? Нет, сэр.

– Где были миссис и мисс Фарли?

– Уехали в театр, сэр.

– Благодарю, Холмс. У меня все.

Лакей поклонился и бесшумно удалился.

Пока Пуаро беседовал с секретарем, а потом с лакеем, – присутствующие вели себя по-разному. У миссис Фарли был непроницаемый вид, хотя время от времени она трогала пальцами виски и при этом немножко морщилась. Ее падчерица то хмурилась, то едва заметно усмехалась. Доктор Стиллингфлит в первые минуты ерзал в кресле, но потом со все большим интересом наблюдал за дотошностью

своего приятеля. Инспектор Барнет был снисходителен и немного ироничен. Хьюго Корнуэрти, которому перед такой аудиторией пришлось отвечать на вопросы надоедливого бельгийца, изо всех сил старался хранить невозмутимость истинного джентльмена, но на лице его была написана досада – наверное, как и полицейский инспектор, он считал эту демонстрацию приемов дедукции известного сыщика напрасной тратой времени. Тем не менее все хранили молчание, никто не останавливал Пуаро и не мешал ему.

Детектив снова повернулся к вдове миллионера.

– Еще один вопрос, мадам. Хорошее ли было зрение у вашего супруга?

– Нет. Без очков он видел плохо. Совсем плохо.

– Близорукость?

– Да. Без очков Бенедикт был совершенно беспомощен.

– Надо полагать, у него под рукой всегда было несколько пар очков?

– Конечно.

– Ага! – сказал Пуаро и откинулся на спинку кресла. – Думаю, на этом мы и закончим расследование.

ВСЕ смотрели на маленького бельгийца, который сидел с гордо поднятой головой, самодовольно поглаживая знаменитые усы. Инспектор переглянулся с доктором Сткллингфлитом. Хьюго Корнуэрти застыл со слегка раскрытым ртом, не скрывая своего недоумения. Взгляд миссис Фарли тоже выражал изумление, а Джоан приподнялась от нетерпения в кресле.

Тишину нарушила миссис Фарли.

– Простите, месье Пуаро, но я не понимаю! Вы можете объяснить, как все это связано с нами?

– Да, – кивнул головой детектив. – Сон – весьма важная деталь.

Миссис Фарли вздрогнула.

– Я не суеверна, месье, никогда не верила во всякое там сверхъестественное, но теперь... После этого повторяющегося сновидения и ужасного исхода...

– Это удивительно! – воскликнул Стиллингфлит. – Удивительно! Если бы я не слышал ваш рассказ, Пуаро, и если бы подробности об этом сне вы знали не от самого мистера Фарли, то ни за что не поварил бы!

– Понимаю, отлично понимаю, – сказал Пуаро. Глаза его, до этого мгновения полузакрытые, внезапно раскрылись. Они были совсем зеленые. – Если бы Бенедикт Фарли не вздумал рассказать мне...

Он прервал себя на полуслове и осмотрел озадаченные лица.

– Есть маленькие загадки, которые не так просто объяснить. Во-первых, почему было уделено такое большое внимание пригласительному письму, а ведь в нем прямо говорится, что письмо во время визита должно быть при мне?

– Для идентификации, – предположил Корнуэрти.

– Нет, молодой человек. В действительности, это довольно нелепая затея. Породить ее должна была серьезная причина. Не только для того, чтобы увидеть письмо, мистер Фарли настаивал, чтобы оно было при мне. Он желал сохранить письмо, поэтому и потребовал вернуть его. Да, не уничтожил, а сохранил. Сегодня его нашли на столе

среди бумаг. Об этом мне сказал доктор Стиллингфлит. Зачем покойный сохранил пустяшную, в общем-то, бумажку?

Вменилась Джоан Фарли:

– Это же ясно! Отец опасался, что с ним может что-нибудь произойти. И если произойдет, он хотел, чтобы мы звали, к кому следует обратиться.

Пуаро одобрительно кивнул.

– Вы очень проникательны, мадемуазель! Вы сказали единственно возможную причину. В случае смерти мистера Фарли я должен был рассказать о своем посещении и о странном сне. Конечно, и без этого письма я поставил бы полицию в известность о своем визите, сразу же узнав о смерти Бенедикта Фарли. Но он хотел гарантий... Да, этот сон... В нем ключ к загадке! Этот сон был фатальным, мадемуазель.

Хотя эта тирада предназначалась Джоан Фарли, Пуаро видел, с каким напряжением вслушиваются в его слова остальные.

– А сейчас приступим ко второй загадке, – сказал он, вздохнув. – После того, как я выслушал его историю, я попросил мистера Фарли показать мне стол и револьвер. Он готов был исполнить мою просьбу, но совершенно неожиданно передумал и отказал. Почему?

На этот раз все промолчали.

– Поставлю вопрос иначе. Что такое было в кабинете, чего, по мнению мистера Фарли, мне не следовало показывать?

Ответом опять было молчание.

– Да, – кивнул детектив, – трудно найти объяснение. И

все же, несомненно, была какая-то причина, важная причина, чтобы принимать меня в комнате секретаря и отказать мне войти в кабинет. Да, что-то там было...

Пуаро развел руками – мол, таковы факты.

– А сейчас перейдем к третьей загадке того вечера. Перед самым моим уходом мистер Фарли сказал, чтобы я вернул письмо. По рассеянности я вынул из кармана не пригласительное письмо, а письмо моей прачки. Мистер Фарли внимательно посмотрел на развернутый лист и положил его на стол. Но почти тут же я спохватился и с извинениями сказал о своей оплошности. Признаюсь, что, покинув ваш дом, я был озадачен. Все это дело – приглашение, последующая беседа и особенно инцидент с перепутанными письмами – показалось мне очень странным и необъяснимым.

Пуаро внимательно осмотрел присутствующих:

– Вы что-нибудь понимаете?

Первым отозвался доктор Стиллингфлит.

– Я действительно ничего не понимаю. Особенно, какое отношение к этой истории имеет ваша прачка?

– Моя прачка оказалась очень кстати, – усмехнулся Пуаро и тронул свои усы. – Эта бедная женщина, которая мужественно сражается с моими воротничками, впервые в жизни приняла участие в криминальном расследовании... Догадываетесь? Это ведь так очевидно! Одно беглого взгляда на письмо было достаточно, чтобы заметить мою оплошность. А он осмотрел дотошно, ничего не сказал и положил письмо на стол. Почему?

Инспектор Барнет резко спросил:

– Он был без очков?

Эркюль Пуаро улыбнулся.

– Напротив! Очки у него были, и этот факт крайне занятен!

Барнет раздраженно передернул плечами – метод детектива излагать факты ему явно не нравился.

– Я уже говорил, что сон мистера Фарли очень важен! – как ни в чем не бывало, продолжал Пуаро. – Вы знаете, ему снилось, что он самоубийца. И позже сон стал явью. Можно утверждать, что в момент выстрела он был в кабинете один – тому есть свидетели. Револьвер, как мне сообщили, тоже находился там. Никто в кабинет не входил, никто не выходил в то время, когда пуля из револьвера сразила мистера Фарли. Вывод напрашивается один – самоубийство.

– Несомненно, – согласился Стиллингфлит. Лица других выезжали ту же точку зрения.

– Нет! – решительно отрезал Пуаро. – Это убийство! Необычное и очень хитро задуманное убийство.

Он подался вперед, и в его зеленых глазах полыхнуло пламя.

– Вам это кажется невероятным? А почему мистер Фарли, с которым я разговаривал, не увидел разницы между двумя совершенно разными письмами? Потому, что это был человек с нормальным зрением, который надел очки с сильными, очень сильными стеклами. Эти очки превратили человека с нормальным зрением в почти слепого. Не так ли, доктор?

– В принципе, конечно... – обескураженно пробормотал Стиллингфлит.

– Почему, когда я разговаривал с мистером Фарли, ме-

ня не покидала мысль, что передо мной дурной актер, который играет не свойственную ему роль? Потому, что он действительно играл роль. Представьте себе – затемненная комната, сильный свет лампы, направленный на меня, в результате чего я вижу только едва очерченную в сумраке фигуру. Естественно, ставший притчей во языцех залатанный халат и острый нос – безусловно, как я сейчас понимаю, фальшивый, – гриву седых волос и... сильные линзы, прячущие глаза. Где доказательства, что мистеру Фарли в действительности снился этот странный сон? Только услышанный мною рассказ да слова миссис Фарли. Где доказательства, что Бенедикт Фарли держал в письменном столе револьвер? Снова – история, которую я услышал, да уверения миссис Фарли.

Все подавленно молчали, и было похоже, что люди избегают смотреть в глаза друг другу – должно быть, самые невероятные догадки будоражили их сознание. А Пуаро продолжал:

– Два человека были авторами этой драмы – миссис Фарли и Хьюго Корнуэрти. Прошу прощения, господа, но такова истина.

Теперь тишина нарушилась. Кто-то ахнул, кто-то вскочил и отодвинул стул. Но Пуаро предостерегающе поднял руку:

– Прошу вас, наберитесь терпения и выслушайте меня до конца.

Все вняли просьбе, и только инспектор не сел, а прислонился плечом к косяку книжного шкафа, загораживая выход из библиотеки.

– Хьюго Корнуэрти написал мне письмо, дал указание

лакею и ушел в кинотеатр. Однако тут же вернулся, своим ключом открыл дверь, поднялся на второй этаж и в своей комнате переоделся, приняв личину хозяина. Не сомневаюсь, что до этого он много раз репетировал свою будущую роль перед зеркалом. Риск? Почти никакого – ведь все вечера мистер Фарли проводил, не покидая своего кабинета. Очень может быть, что после моего визита Корнуэрти снова покинул дом и посетил какой-либо бар. А может быть, и нет, был уверен в себе...

Вздыхнув, Пуаро изложил дальнейшие события.

Нет, не случайно секретарь миллионера устроил аудиенцию двум репортерам в то роковое время. Это были важные свидетели, которые могли поклясться, что никто не входил и не выходил из кабинета Бенедикта Фарли во время его смерти. Корнуэрти дождался, когда за окнами усилился шум проезжающих машин – это происходит ежедневно в одно и то же время, наступает час пик. После чего он высунулся в свое окно – оно находится совсем рядом с окном в кабинете – и с помощью длинных щипцов, которые перед этим взял у своего патрона, поднес к окну кабинета один предмет. Мистер Фарли замечает непонятное мельтешение в окне и поднимается со своего места посмотреть, не померещилось ли ему. Корнуэрти тут же дергает щипцы назад. Когда заинтригованный мистер Фарли высовывается из окна, Корнуэрти стреляет в него. Грохот машин на улице заглушил звук выстрела. Прямо в окно, напомним, глядит глухая фабричная стена. Так что есть стопроцентная гарантия отсутствия свидетелей. Учтено было все! Корнуэрти подождал с полчаса, после чего взял какие-то бумаги, револьвер, щипцы, видимо,

скрыл под одеждой и вышел на площадку, а оттуда – в кабинет. Быстро оттащил труп к столу. Вынул щипцы и револьвер. Щипцы положил на обычное место, револьвер на пол, предварительно отпечатав на рукоятке пальцы убитого. После этого выскочил из кабинета с воплем о «самоубийстве» патрона.

– Да, еще одна деталь, – заметил Пуаро. – Преступник вложил в бумаги на столе пригласительное письмо ко мне, он считал его важным козырем в своей преступной игре. Я же приехал сюда с историей, которую слышал из уст самого мистера Фарли, историей о странном сне. Свидетельство известного криминалиста – это ли не самый веский аргумент в пользу версии о самоубийстве? Так могло и закончиться дело... Конечно, последовали бы наивные рассуждения о силе гипноза, о неведомом злоумышленнике или о чем-то сверхъестественном. Нет, приглашение Эркюля Пуаро было самой крупной ошибкой преступного плана!..

Теперь взгляд детектива обратился к вдове – на ее болезненно-бледном лице читался слепой страх и... Да, и смертельная ненависть. Может быть, именно поэтому Пуаро не удержался от резюме, хотя и проговорил его достаточно мягко:

– Таким образом, они считали, что задуманный план счастливо исполнен. Четверть миллиона фунтов и, как говорят поэты, два сердца, которые бьются, как одно.

ДОКТОР Джон Стиллингфлит и Эркюль Пуаро медленно шли вдоль боковой стены каменной громады Нортвей-Хауза. Справа от дороги воз-

вышалась глухая фабричная стена. Слева на втором этаже протянулась цепочка из нескольких окон и среди них расположенные почти рядом окна кабинета мистера Фарли и комнаты его секретаря. Именно здесь Пуаро нагнулся над узкой асфальтовой дорожкой и поднял небольшой предмет – это была черная плюшевая кошечка.

– Невероятно, но именно эту безобидную безделушку Корнуэрти держал перед окном патрона. А тот действительно до остервенения терпеть не мог этих четвероногих. Едва увидав, какое отвратительное существо появилось за его окном, он поспешил прогнать его.

– Но почему, черт возьми, Корнуэрти, обронив этого плюшевого оборотня, не спустился вниз и не поднял его?

– У него просто не было времени. Он ведь был на виду у слуг, репортеров, потом подъехал ты, следом полиция. Кроме того, если бы плюшевую кошечку кто-нибудь нашел – и что с того? Мало ли какой малыш мог забежать сюда и оставить свою игрушку?

– Да... – протянул Стиллингфлит. – Все бы так и подумали, а скорее всего, вообще не обратили бы внимания. Все, но только не добрый старый Эркюль, сыщик с гениальными серыми клетками. Похоже и вправду преступники здорово просчитались, втянув тебя в свою игру... Знаешь, старина, я до самого последнего момента думал, что ты медленно развиваешь теорию о ловко подготовленном убийстве с помощью внушения. Полагаю, так думала и эта парочка. А снюхались они, наверное, давненько... Вот уж отвратительная семейка!..

Доктор вдруг замедлил шаг и повернулся к спутнику.

– Господи, но как она набросилась на тебя! Инспектор

заялся Корнуэрти, который, очень может быть, намеревался сбежать, а эта фурия... По-моему, она хотела исцарапать твою физиономию своими острыми коготками?

Пуаро невесело улыбнулся.

– Да, ты вовремя оттащил ее от меня...

После долгой паузы доктор сказал:

– Когда я говорил об отвратной семейке, я, знаешь ли, не имел в виду юную леди. Она довольно милостива. Умна, незаурядна. Как думаешь, не попытаться ли мне приударить в этом направлении?

– Опоздал, дружище. Там уже есть кандидат. Смерть ее отца сняла препоны... Так уж устроена жизнь – счастье ходит рядом со смертью...

Опять помолчали, и опять молчание нарушил доктор.

– Выходит, она имела достаточно веские мотивы избавиться от неприятного родителя?

– Мотивов и возможностей недостаточно, – ответил Пуаро. – Нужно иметь еще преступный склад ума.

Они уже вышли на шумную улицу перед Нортвей-Хаузом, когда Джон Стиллингфлит неожиданно сказал:

– Знаешь, старина, какая дикая мысль пришла сейчас мне в голову! А если когда-нибудь преступление совершит Эркюль Пуаро? Готов держать пари, что ты наверняка бы вышел сухим из воды. По сути, это было бы очень легко для тебя – ты смог бы просчитать все ходы следствия заранее. Даже из чисто спортивного интереса.

– Это типично английская идея, – не без нотки иронии ответил Эркюль Пуаро.

УБИЙСТВО РОДЖЕРА ЭКРОЙДА

В городке
Кингс-Эббот есть
вокзал, почта,
магазин, а люби-
мое развлечение
- сплетни.
Кэролойн, сестра
доктора
Шеппарда,
знает всё...

- Я был
сегодня
у миссис
Феррар...

- Я знаю это
от служанки.

- Она умер-
ла ночью...

- Мне сказал
молочник
...перебор-
щила со сно-
творным

- Чушь! Её заму-
чила совесть -
отравить мужа!

- Видел
я её неделю
назад и ничего
странного
не заметил.

- Шеппард! Вас-то
мне и надо. Вы уже
спышали?

- Да, сэр,
ужасный
случай...

Мистер Экرويد, фабри-
кант, явно был чем-то
расстроен.

- Зайдите ко мне вечером,
Шеппард. Надо поговорить.
Ральф сейчас
в Лондоне.

- В Лондоне?! Да он уже
неделю живет в "Трех
кабанах" и тайком бегаёт
к Флоре. Они обручены.

- Знает ли
Экرويد, что
его пасынок в го-
родке?
Ральф рано оста-
лся без матери
и немного
шалопай.

- Дела плохи, Док!
Мой отчим... не знаю, что и де-
лать, но постараюсь
справиться сам...
Да, сам!

Дверь в "Фернли", дом мистера
Экройда, открыл дворецкий.

Что-то
стукнуло,
рама или
дверь?.. А,
мисс
Рассел!

В гостиной у витрины с редкостными безделушками стояла экономка мистера Экройда.

- Я... пришла сюда полить цветы в вазе.

- Так вот откуда стук: крышка.

- А, Шепард... закройте окно на шпингалет и прикройте дверь! Слушайте: три месяца назад...

... миссис Феррар отказалась стать моей женой и только позавчера сказала, почему: она призналась, что отравила это животное - своего мужа. Но кто-то знал об этом и шантажировал её, вымогая деньги. Миссис Феррар...

...её больше нет, но она ведь обещала, что я узнаю его имя. Я его уничтожу!

- Вечерняя почта, сэр!

- Её почерк!

- Там может быть имя шантажиста!

- Прочту потом

- Нет-нет, прочтите, пока я тут. Я подожду вас.

- Письмо только для меня!

Когда доктор ушел, письмо так и осталось не прочитано.

- Всё ли я сделал, что мог?

В воротах парка доктор увидел чужого мужчину.

- В "Фернли" сюда, сэр?

В 22.15 доктора позвали к телефону

- ЧТО? Мистер Экройд УБИТ?!

Утром в гостиной доктора Шепарда появилась Флора

- Только не надо вмешивать частного сыщика

- Ваш сосед Эркуль Пуаро - тот самый! Пойдемте к нему, он узнает правду, ведь это же не Ральф?!

Соседом доктора недавно стал знаменитый частный детектив

- Итак, вам нужна правда?

Пуаро с доктором вышли в сад

- Интересно, кто унаследует имение?... С кем это мадемуазель Флора?

- С майором Блентом

- Нам известно, что Пейтмен исчез из гостиной. Вот его туфли и отпечаток подошв совпал со следами на подоконнике. Но вот кто звонил доктору?

- Вот это кресло было отодвинуто от стены!

- Закрытое окно открыто, открытая дверь заперта, выдвинутое кресло вернулось на место. Узнаем, кто звонил - будем знать ВСЕ!

- Нигде нет голубого конверта!

- Дядя оставил мне 20 тысяч, я свободна! Не надо терзаться, лгать...

- Я не гожусь для жизни в Англии. Я уеду.

- А я хочу, чтобы вы остались!

- А мне говорили, что она помолвлена с Пейтменом

- "Ф. от Р.". И такое кольцо брошено прочь...

Миссис Экرويد - сестра покойного Роджера и мать Флоры

- Такие деньги девочке! Они должны быть мои!

- А где Экرويد хранил деньги?

Они прошли в кабинет

- Роджер взял вчера в банке 100 фунтов

- Но здесь только 60!.. Поговорим с горничной Урсолой

- Сэр?
Я вчера перепутала бумаги на столе, хозяин рассердился, и уволил меня...
Что?

- Деньги?
Можете обыскать мои вещи!

На следующий день Кэролайн сообщила брату:

- Приходил месье Пуаро, спрашивал о твоих пациентах, узнал о старухе Беннетт, о мальчике с фермы, о матросе с трансатлантика... Пуаро сказал, что я природный сыщик! И еще о тупых Ральфа...

- Начиталась всякой ерунды!

В понедельник состоялось судебное расследование

- Все улики указывают на Ральфа Пейтена. Он не скроется - везде наши люди. Но мне странно - почему он бежал? По завещанию ему отходит всё имение.

Через полчаса все собрались в гостиной, слушая Пуаро.

- Каждый что-то скрывает!.. Никто ничего не хочет мне сказать? Жаль...

Утренние газеты принесли новость

- Ральф арестован в Ливерпуле? Но это же невозможно!

- Это моя уловка. Давайте подумаем: в 21.30 убитый с кем-то говорит; на окне следы подошв Пейтена; от Экройда требовали денег. Значит, тогда с убитым был Ральф.

Мать Флоры призналась доктору

- Вы знаете, как трудно жить. Я открыла стол Экройда, чтобы прочесть завещание, но тут вошла Урсула и потом Роджер. Она осталась поговорить с ним...

- И это всё? А не вы ли ещё и открыли крышку витрины?

- Я... но... хотела оценить в Лондоне одну вещь из коллекции и... сделать сюрприз Роджеру. Только это, поверьте...

Пуаро начал расследование

- Паркер, вы подслушивали в тот вечер у дверей хозяина. Давно занимаетесь шантажом?

- Сэр?!

Вы шантажировали прежнего хозяина и теперь снова...

- Клянусь, сэр, я только хотел знать, не подозревает ли меня в чем-нибудь хозяин... Я видел мисс Флору у кабинета.

- Придется нам кое-что узнать от мадемуазель Флоры.

- Скажите мне правду - это вы взяли 40 фунтов?

- Да, я украла их... Мне очень были нужны эти деньги... Мой дядя был весьма прижимист.

- Майор Блент! Очередь дошла до вас: вы скрываете любовь к Флоре. Вы слепы: пока подозревают Пейтена, она не откажется от него, но любит она вас!

- МИНУТКУ, СЭР! Экрюд САМ дал мне в долг те 40 фунтов!

- Помните, доктор, незнакомца из парка? Он уже найден. Мадемуазель Рассел, все будет между нами: это - ваш сын?

- Да... Он наркоман и я не хотела портить себе репутацию. Но он в тот вечер не покидал меня ни на миг!

- Мотив первый - наследство. Второй - шантаж. Третий - кража письма... И всё против Ральфа Пейтена!

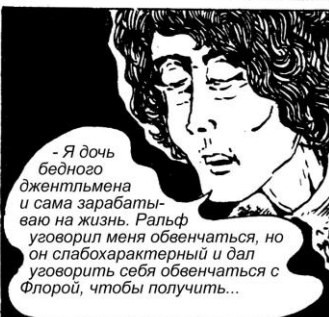
- Месье! Вас ждёт Урсула Борн.

У дома Шеппарда

- Урсула Борн?
- Нет, Урсула ПЕЙТЕН!

- Эта заметка... Ральф в полиции, мне нечего таиться.

- Я дочь бедного джентльмена и сама зарабатываю на жизнь. Ральф уговорил меня обвенчаться, но он слабохарактерный и дал уговорить себя обвенчаться с Флорой, чтобы получить...

... деньги. Я прогнала его, наговорила всякого его дяде и вот - осталась ни с чем... Кто мне теперь поможет?

- Доверьтесь Эркюлю Пуаро!

Пуаро собрал совещание в "Фернли-парк"

- Каждый из вас мог убить Экройда!

- Но мои серые клеточки подсказали мне...

...что во всех ваших объяснениях не совпадало время, и я вас спрашиваю: А БЫЛ ЛИ В 21.30 С УБИТЫМ ВООБЩЕ КТО-НИБУДЬ?

- Казённая подслушанных Паркером фраз говорят скорее о...

- ДИКТОФОН! Фирма "Диктофон"! Тут же был их представитель. Но где аппарат, почему нет Ральфа? Где он?

- Где? Неподалеку, совсем рядом. ВОТ ОН...

- Доктор Шепард - истинный друг. Он спрятал меня от полиции в частной клинике, да ещё чтобы я не давал показания на свою жену - ведь у неё нет алиби. А мистер Пуаро нашёл меня!

- Виновен, но я хотел помочь молодой паре

- Четверо из пятерых признались, кроме доктора. Но я мыслю и с помощью мадемуазель Кэролайн узнал адрес больницы. После некоторых формальностей мне позволили увезти мнимого больного.

- Я клянусь, что не подходил к кабинету, но у меня нет алиби - и это плохо кончится.

- Мистер Пуаро, неужели никто и ничто не может спасти моего мужа?

- Ну, почему...

- Я, Эркуль Пуаро, заявляю:
убийца здесь, и я говорю
ему - утром инспектор
Дэйвис
БУДЕТ ЗНАТЬ ПРАВДУ!

- И вы
знаете -
КТО?

- Это человек, который заходил
в "Три кабана" и украл ботинки
Пейтена, в которых умышленно
наследил вокруг дома...

...который мог свободно взять кинжал
из витрины, бросив тень на других,

- Факты указывают только на
одного человека и выход у него
есть, но он - НЕ СПАСЕНИЕ!

...который настроил диктофон на
21.30, чтобы в коридоре был слышен
голос убитого, а когда Паркер убежал
за полицией, успел спрятать улику,
укрытую за спинкой кресла.

Доктор и Пуаро остались одни

- В чем скрыт
смысл? Зачем
ждать утра? Вы же
предупредили убийцу
и даёте ему (ей?)
шанс спастись.
Ваша цель - добыть-
ся правды?

...и у которого был чемоданчик, где
он прятал диктофон и обувь Пейтена.

...короче говоря -
ДОКТОР ШЕППАРД!

- Вы
СОШЛИ
С УМА!

- Почему же? Окно было закрыто только по вашим словам, да и дорога до дома заняла у вас на 5 минут больше обычного. Что же вы делали?

- Деньги промотали на спекуляциях, вдова ушла из жизни - и Экройд не пощадил бы вас, зная правду. И вы убили его!

- Пейтен должен быть оправдан. Выход найдите сами. Ради сестры... Я и инспектор сохраним все в тайне.

- Вышли из "Фернли", убили Экройда, обошли дом, сменили обувь и влезли в окно в ботинках Пейтена, заперли изнутри дверь и так же выбрались наружу.

- Звонок к вам домой - умно придумано: есть предлог появиться в "Фернли", спрятать диктофон. Но кто звонил? И я вспомнил: моряк!

- Больше всего я боялся, что догадается Каролайн. Она никогда не узнает правды. И зачем Пуаро поселился в Кингс-Эббот?

- Зачем вы это сделали? Вы знали причину смерти мистера Феррара и шантажировали вдову: 20 тысяч!

- Как это удобно, когда свидетель далеко в море... Я радировал на судно и вчера получил ответ:

РОНЕЛ

Мистерия в Хантерс-Лодж

— **КАК-ТО** раз, – пробормотал Пуаро, – я чуть было не распрощался с жизнью. Это замечание, вырвавшееся из уст выздоравливающего от инфлюэнцы, выглядело в моих глазах признаком заново рождающейся жизнерадостности и потому заслуживало всяческого одобрения. В сущности, я тоже когда-то был жертвой недуга, поразившего Пуаро. Теперь он уже мог сидеть в кровати, утопая во множестве подушек, покачивать головой, завернувшись в шерстяную шаль, и попивать невкусный чай из трав, который я заваривал по его просьбе. Когда Пуаро взирал на уже ненужные пузырьки и склянки с лекарствами, стоявшие безупречно стройными рядами на камине, щеки его подрагивали от удовольствия.

– Да, да, – продолжал тем временем мой маленький друг. – Однажды я едва не погиб, я, великий Эркюль Пуаро, гроза всех злодеев! Именно мне, как вы знаете, посвящают целые колонки в газетной рубрике «Новости дня». Да, вашему покорному слуге Эркюлю Пуаро – настоящему Геркулесу! Пусть же трепещут преступники, и знаете почему? Потому что Эркюль Пуаро, любимейший детектив благородного общества, скоро поднимется со своего ложа, избавится от проклятой инфлюэнцы и схватит их.

Я улыбнулся.

– Мой милый Пуаро! Вы прославитесь еще не раз. К

счастью, за время вашей болезни не случилось ничего интересного.

– Действительно. О тех незначительных происшествиях, которые мне пришлось пропустить, жалеть особенно не приходится.

Тут в дверь заглянула наша экономка.

– Там внизу какой-то господин, он говорит, что должен обязательно увидеть господина Пуаро или вас, капитан. Поскольку он крайне взволнован, да к тому же еще и выглядит как настоящий джентльмен, я решилась все-таки побеспокоить вас.

Она протянула мне визитную карточку.

– «Мистер Роджер Хаверинг», – вслух прочитал я. Пуаро кивнул в сторону книжной полки – это означало, что мне следовало достать спуда справочник «Кто есть кто». Затем он взял из моих рук этот толстенный том и принялся быстро его листать.

– Второй сын пятого барона Виндзора. Женат на Зое, четвертой дочери Уильяма Граббе.

– Хм! – вырвалось у меня. – Я раньше знал эту девушку, она была актрисой в театре «Фриволи» – правда, тогда ее звали Зоя Кариссбрук. Припоминаю, что незадолго до войны она вышла замуж за какого-то молодого человека.

– Вам придется, Гастингс, спуститься и, проявив максимум любезности, выслушать, какие нужды и заботы привели к нам этого посетителя. Передайте ему мое глубочайшее сожаление...

Роджер Хаверинг оказался высоким, элегантно одетым мужчиной примерно лет сорока. Он действительно выглядел усталым и крайне взволнованным.

– Капитан Гастингс? Вы компаньон монсеньера Пуаро, насколько я знаю. Мне хотелось бы, чтобы он срочно – не позднее сегодняшнего дня – выехал вместе со мной в Дербиш.

– Боюсь, что это невозможно, – возразил я. – Пуаро лежит в постели – у него инфлюэнца.

Лицо Хаверинга стало в высшей степени удрученным.

– Боже мой, какое это несчастье для меня!

– Дело очень серьезное?

– Видит бог, да! Мой дядя, самый близкий мне человек на этом свете, прошлой ночью убит.

– Здесь в Лондоне?

– Нет, в Дербише. Я находился в городе и сегодня утром получил телеграмму от жены. Прочитав ее, я сразу же решил обратиться к монсеньеру Пуаро с просьбой расследовать этот случай.

– Прошу прощения, но мне придется покинуть вас на несколько минут, – сказал я, поскольку мне в голову пришла одна идея.

Я пошел наверх и в нескольких словах обрисовал Пуаро ситуацию. Тот понял меня с полуслова.

– Хорошо, хорошо. Вы хотите поехать сами, не правда ли? Вы ведь знакомы со всеми моими методами. Я попрошу вас об одном: ежедневно направлять мне подробнейший отчет и скрупулезно выполнять все мои распоряжения, которые я буду посылать телеграфом.

Через несколько часов я уже сидел в купе первого класса вместе с мистером Хаверингом. Поезд стремительно мчался, оставляя за окнами вагона улицы Лондона.

– Прежде всего, капитан Гастингс, хочу вам сказать,

что Хантерс-Лодж, где произошла трагедия и куда мы сейчас так спешно направляемся – это маленький охотничий домик в самом сердце болот Дербиша. Наше собственное поместье расположено неподалеку от Нью-Маркета, и в сезон мы обычно снимаем помещение в городе. Хантерс-Лодж находится в ведении экономки, которая отлично справляется со всеми делами. Периодически мы проводим там уик-энды. Естественно, в охотничий сезон мы берем туда с собой еще несколько слуг из дома в Нью-Маркете. Мой дядя, мистер Харрингтон Пейс (как вы, наверное, знаете, моя мать – урожденная мисс Пейс из Нью-Йорка), последние три года жил вместе с нами. С моим отцом и старшим братом отношения у него были неважные, и это, как я полагаю, еще более усиливало его привязанность ко мне. Конечно, я беден, а мой дядюшка богат – иными словами, он оплачивал все счета! Мы прекрасно понимали, что он педантичен в этом отношении, и все трое отлично уживались друг с другом. Два дня назад дядя предложил съездить ненадолго в Дербиш. В городе ему не понравилось, наверное, мы чем-то его рассердили. Моя жена телеграфировала миссис Миддлтон, нашей экономке, и уже в тот же день пополудни мы приехали в Хантере-Лодж. Вчера мне нужно было вернуться в город, а жена и дядя остались там. Сегодня утром я получил вот эту телеграмму, – развернув бланк, он зачитал текст: «Приезжай скорее – сегодня ночью убит дядя Харрингтон – если сможешь, привези с собой хорошего детектива. Зоя».

– Так значит вам до сих пор неизвестны подробности происшествия?

– Нет. Я надеюсь, что они будут в газетах. Полиция ведь наверняка уже начала расследование.

Около трех часов мы прибыли на небольшую станцию Элмерс-Дейл. Нам пришлось проехать еще пять миль, чтобы добраться до маленького домика из серого камня, стоявшего промо посередине мрачного болота.

– Ничего не скажешь, веселенькое местечко, – поморщившись, заметил я.

Хаверинг кивнул.

– Я попытаюсь его продать. После того, что случилось, я все равно не смогу больше здесь жить.

МЫ открыли ворота, за которыми начинался земельный участок, и по узкой тропинке направились к дубовой двери дома, откуда внезапно появилась очень знакомая фигура и двинулась нам навстречу.

– Джапп! – воскликнул я.

Инспектор Скотланд-Ярда приветливо улыбнулся мне и только потом повернулся к моему спутнику.

– Мистер Хаверинг, я не ошибся? Меня прислали сюда из Лондона, чтобы расследовать это происшествие. Я очень хотел бы поговорить с вами, сэра, если это возможно.

– Моя жена...

– С вашей женой я уже побеседовал, сэра, и с экономкой тоже. Надолго я вас не задержу, мне нужно возвращаться в деревню сразу после того, как я осмотрю здесь все, что можно.

– Но я до сих пор не знаю, что...

– Разумеется, – успокаивающе произнес Джапп. – Од-

нако я хотел бы услышать наше мнение по возникшему у меня ряду небольших вопросов. Мы знакомы с капитаном Гастингсом, он пойдет в дом и скажет, что вы здесь. А что случилось с нашим другом Пуаро, капитан?

– Он лежит в постели с инфлюэнцей.

– Так значит его опять скрутило? Очень жаль. Кажется, вы многое потеряли, оставшись без него.

Выслушав этот сомнительный комплимент, я направился в дом. Мне пришлось постучать, поскольку Джапп, выходя, захлопнул за собой дверь. Минуты через две мне открыла женщина средних лет.

– Мистер Хаверинг уже здесь, – начал объяснять я. – Его ненадолго задержал инспектор Джапп. Я приехал из Лондона с мистером Хаверингом, чтобы провести расследование. Расскажите мне вкратце, что произошло прошлой ночью.

– Входите, сэр, – закрыв дверь, она провела меня в плохо освещенную переднюю. – Я здешняя экономка. Дело было так. Вчера поздно вечером, после ужина, пришел незнакомый мужчина, который хотел видеть мистера Пейса. Он произносил слова как и мистер Пейс, потому я и решила, что этот человек – один из его американских друзей. Я проводила его в охотничью гостиную и пошла доложить мистеру Пейсу. Гость не представился, что было, как я теперь понимаю, довольно странно. Я сообщила о его приходе мистеру Пейсу, и это известие, как мне показалось, привело его в некоторое замешательство. Тем не менее, он сказал госпоже: «Извини, Зоя, пойду узнаю, что хочет этот человек».

Он прошел в гостиную, а я вернулась к себе на кухню.

Через некоторое время до меня донеслись громкие голоса, было ясно слышно, что происходила ссора, и я поспешила в переднюю. Одновременно со мной появилась госпожа, в ту же секунду прогремел выстрел, и воцарилась гробовая тишина. Мы обе бросились в охотничью гостиную, но дверь оказалась запертой, и нам пришлось обежать вокруг дома, чтобы подойти к окну. Оно было распахнуто, и мы увидели мистера Пейса, неподвижно лежащего посередине комнаты.

– А где же гость?

– Он вылез из окна раньше, чем мы оказались там.

– Что было дальше?

– Миссис Хаверинг послала меня за полицией. Это почти пять миль отсюда. Назад я вернулась вместе с полицейскими, один из них продежурил здесь всю ночь. А утром прибыл господин из лондонской полиции.

– Как выглядел мужчина, приходивший к мистеру Пейсу?

Экономка задумалась.

– Средних лет, с черной бородой, одет в легкое пальто. Я не заметила у него никаких особых примет, кроме разве что американского акцента.

– Большое спасибо. А теперь я хотел бы увидеть миссис Хаверинг.

– Она наверху, сэр. Доложить о вас?

– Да, пожалуйста. Скажите ей, что мистер Хаверинг и инспектор Джапп скоро подойдут, а господин, которого ее муж привез с собой из Лондона, хотел бы поговорить с ней как можно скорее.

– Хорошо, сэр.

Я сгорал от нетерпения узнать дополнительные подробности. Джапп опередил меня на два или три часа, и я вынужден был дублировать его действия.

Миссис Хаверинг не заставила меня долго ждать. Через несколько минут я услышал легкие шаги на лестнице и поднял глаза. Передо мной стояла молодая, очень красивая женщина. Она была в ярко-красной блузке, которая еще больше подчеркивала стройность ее фигуры. Темные волосы у нее были стянуты кожаным ремнем такого же огненно-красного цвета. Казалось, даже самая чудовищная ситуация не в состоянии выбить ее из колеи. Я представился, и она приветливо кивнула.

– Я так много слышала о вас и вашем коллеге, – сказала молодая леди. – Вы сумели раскрыть такие немислимо запутанные преступления. Мой муж поступил очень разумно, пригласив вас приехать сюда. Я думаю, самый простейший способ узнать все, что вы считаете необходимым для расследования этого печального происшествия, – задавать мне вопросы, не правда ли?

– Буду вам очень признателен, миссис Хаверинг. Итак, начнем. Во сколько пришел сюда этот таинственный мужчина?

– Около девяти вечера. Мы закончили ужинать и пили кофе.

– Ваш муж в это время уже уехал в Лондон?

– Да, он отправился поездом, который идет в шесть пятнадцать.

– На вокзал он поехал на машине или пошел пешком?

– Нашей машины здесь нет. Чтобы доехать до вокзала, он послал за автомобилем в Элмерс-Дейл.

– Было ли что-нибудь необычное в поведении мистера Пейса?

– Нет. Он был таким как всегда.

– Можете ли вы описать мне вашего вечернего посетителя?

– К сожалению, нет. Я не видела его. Миссис Миддлтон проводила его прямо в гостиную, а уж потом доложила моему дяде.

– Что сказал ваш дядя?

– Он выглядел крайне раздосадованным, но все же сразу пошел в охотничью комнату, где находился незваный гость. Примерно минут через пять я услышала громкие и возбужденные голоса. Я выбежала в переднюю, где чуть было не столкнулась с миссис Миддлтон. Затем мы услышали выстрел. Охотничья гостиная оказалась запертой, и нам пришлось обежать вокруг дома, пока мы добрались до окна. Это отняло у нас драгоценные минуты, чем и воспользовался убийца, успев скрыться. А мой бедный дядя... у него была прострелена голова.

Она говорила очень тихо. Ее голос заметно дрожал.

– Я сразу же поняла, что он мертв. Миссис Миддлтон я послала за полицией. И до их прихода ни к чему в комнате не прикасалась.

Я кивнул.

– А оружие?

– У меня есть одно предположение, капитан Гастингс. Дело в том, что на стене висело два револьвера моего мужа. Один из них исчез. Я обратила на этот факт внимание полиции, и они забрали второй револьвер с собой. Когда извлекут пулю, полиция сможет сказать что-то более определенное.

– Можно мне осмотреть охотничью комнату?

– Конечно. Полицейские там уже все тщательно обыскали, а труп они увезли с собой.

Миссис Хаверинг проводила меня на место преступления. В этот момент в комнату вошел ее муж, и, извинившись передо мной, она стремительно бросилась к нему. В гостиной я остался один. Результаты осмотра комнаты меня разочаровали. Я обыскал помещение с величайшей тщательностью, но ничего не смог обнаружить, кроме большого кровавого пятна. С помощью привезенного из Лондона небольшого фотоаппарата я сделал несколько снимков. Потом вышел в сад и принялся искать следы мужчины под окном. Но это оказалось бесполезно, потому что почва вокруг дома была уже очень истоптана. Хантерс-Лодж не спешил открывать мне свои тайны. Мне оставалось вернуться в Элмерс-Дейл и встретиться с Джаппом. Поэтому я сразу же попрощался и сел в любезно предоставленный мне автомобиль.

ДЖАППА я нашел в гостинице под названием «Рука Мэтлока». Он как раз собирался идти осматривать труп и пригласил меня с собой. Харрингтон Пейс оказался худощавым гладко выбритым мужчиной небольшого роста с ярко выраженной американской внешностью. Он был убит в затылок пулей, выпущенной с очень близкого расстояния.

– Наверное, мистер Пейс отвернулся, – заметил Джапп, – и в это время убийца успел схватить револьвер и выстрелить. Револьвер, который нам отдала миссис Хаверинг, был заряжен; второй, я подозреваю, тоже. Странные

люди – пришло им в голову вешать на стену два заряженных револьвера?

– Что вы думаете об этом деле? – спросил я его, когда мы вышли на улицу.

– Если честно, то вначале я подозревал Хаверинга!

Заметив мое удивление, Джапп пояснил:

– А почему бы и нет? В его прошлом есть два темных пятна. Когда он учился в Оксфорде, произошла очень странная история с подписью его отца на денежном чеке. Разумеется, дело замяли. Вот так-то! А потом произошло нечто посерьезнее. Мистер Хаверинг по уши увяз в долгах и скрывал это из добрых побуждений от своего дядюшки. Тут надо учитывать, что дядя наверняка составил завещание в пользу своего племянника. Да, я подозревал его и именно поэтому хотел поговорить с ним до того, как он встретится со своей женой. Но их показания не противоречили друг другу. После получения соответствующей информации с железнодорожной станции у меня исчезли сомнения, что он уехал именно тем поездом, который отправляется в шесть пятнадцать. Значит, в Лондон Хаверинг прибыл в десять тридцать. По его словам, он сразу же отправился в свой клуб, и если это подтвердится, у него не было ни малейшей возможности нацепить черную бороду и в девять часов застрелить собственного дядюшку.

– Хм, хочу спросить вас вот еще о чем – что вы думаете по поводу бороды?

Джапп подмигнул.

– Я полагаю, что она отросла исключительно быстро – как раз за то время, которое необходимо для преодоления

пяти миль от Элмерс-Дейла до Хантерс-Лоджа. Лично мне всегда попадались только гладко выбритые американцы. А если мы хотим поймать убийцу мистера Пейса, то искать его следует именно среди его американских друзей. Я допросил вначале экономку, затем миссис Хаверинг. Их показания полностью совпадают. Жаль только, что миссис Хаверинг не видела этого парня. Она молодчина и могла бы нам здорово помочь.

Я сел и написал длинный, подробный отчет Пуаро. Но прежде чем отнести его на почту, мне пришлось добавить туда полученную свежую информацию.

Наконец-то была найдена пуля, которая, по-видимому, вполне могла быть выпущена из револьвера того типа, что и оружие, взятое полицией в Хантерс-Лодже. В результате проверки показаний мистера Хаверинга было установлено, что он действительно прибыл в Лондон именно тем поездом, о котором говорил. Кроме того, произошло нечто неожиданное. Некий служащий из Сити, который вышел на станции Эйлинг и перешел на Хавен Грин, чтобы попасть на кольцевую линию, нашел между рельсами пакет. Когда он разорвал обертку из плотной коричневой бумаги, то увидел тускло блестящий револьвер. Найденный пакет был доставлен в ближайший полицейский участок, и вскоре выяснилось, что находившийся в нем револьвер именно тот, который разыскивается. В барабане отсутствовал один патрон.

Все эти сведения я тоже включил в свой отчет. На следующее утро во время завтрака мне принесли телеграмму от Пуаро: «Конечно, Хаверинг не мог быть тем чернородым мужчиной – только вам и Джаппу могла прийти в

голову такая абсурдная идея. Телеграфируйте мне примечания экономки – как были одеты она и миссис Хаверинг – не тратьте время на фотографирование – фотографии у вас все равно получаются темными и невыразительными».

Текст телеграммы Пуаро показался мне крайне бестактным. Вероятно, надменный тон объяснялся определенной завистью к той свободе действий, которая позволяла мне по своему усмотрению выбрать, как достигнуть результата расследования. Просьба Пуаро описать одежду обеих женщин вызвала у меня улыбку, но тем не менее я выполнил ее тщательно. Около одиннадцати часов мне принесли ответ от Пуаро: «Посоветуйте Джаппу арестовать экономку, пока не поздно».

Пораженный, я протянул телеграмму Джаппу. В ответ он пробурчал:

–Мистер Пуаро сошел с ума! Впрочем, я нахожу нужным считаться с его советом. Я почти не обратил внимания на эту женщину, и у меня нет оснований для ее ареста – поэтому я прошу вас следить за ней. Пойдемте скорее и посмотрим, что она из себя представляет.

Но мы опоздали. Миссис Миддлтон – спокойная женщина средних лет, казавшаяся такой милой и порядочной, – словно растаяла в воздухе. Все ее вещи остались в доме. Но среди них не было ничего, что помогло бы узнать, кто она такая и откуда появилась в Хантерс-Лодже.

Миссис Хаверинг сообщила нам некоторые подробности.

– Я наняла ее примерно три недели назад, после того, как наша прежняя экономка миссис Эмери взяла расчет. Ее направило к нам бюро миссис Селборн на Маунт-стрит

— одно из наиболее известных в Лондоне агентств. Я всегда находила всех своих слуг с его помощью. Они посылали ко мне нескольких претенденток, но миссис Миддлтон приглянулась больше других; к тому же она имела блестящие рекомендации. Мне и сейчас не верится, что я могла так ошибиться в этой спокойной и любезной женщине.

Во всем этом была какая-то мистика. Экономка не могла быть убийцей, потому что в момент, когда прогремел выстрел, она находилась в передней с миссис Хаверинг. И, вместе с тем, она каким-то образом была замешана в преступлении! Я никак не мог понять, почему она столь неожиданно исчезла.

В телеграмме на имя Пуаро я сообщил о своем намерении вернуться в Лондон и провести расследование в агентстве Селборн. Ответ пришел незамедлительно: «Расспрашивать служащих агентства бессмысленно — ее там не знают — установите, каким автомобилем она пользовалась, когда разыгрывала свой спектакль».

И хотя для меня была очевидна нелепость этого поручения Пуаро, я все же постарался его выполнить. Транспортных средств здесь было немного. В местном гараже стояло два изношенных «форда», да еще на железнодорожной станции имелось два такси. В тот самый день не поступало ни одного заказа на автомобильные поездки. Миссис Хаверинг, с которой мы побеседовали еще раз, пояснила, что для поездки в Дербиш она дала своей экономке столько денег, сколько вполне хватило бы на то, чтобы взять машину или нанять такси до Хантерс-Лоджа.

Тот факт, что в вечер убийства никто не видел незна-

комца ни с черной бородой, ни без нее, позволял сделать вывод: преступник прибыл на машине, которую припарковал где-то поблизости. На этом автомобиле убийца и, вероятно, экономка скрылись после совершения преступления.

Информация из лондонского агентства подтвердила догадки Пуаро. В документах бюро не значилась ни одна женщина по фамилии Миддлтон. Несколько претенденток были направлены к миссис Хаверинг. Когда же она заплатила агентству комиссионный сбор, то забыла указать, которой из них было отдано предпочтение.

В ЛОНДОН я вернулся в полном унынии, и застал Пуаро сидящим у камина в своем роскошном шелковом халате. Мое появление вызвало у него бурную радость.

– Мой дорогой Гастингс! Как я рад снова видеть вас. Определенно я питаю к вам большую слабость! Вы хорошо побеседовали? Далеко ли вы продвинулись со старинной Джаппом? Удалось ли вам отвести, наконец, душу и вволю порасспрашивать?

– Пуаро, – воскликнул я, – это такое запутанное дело! Я боюсь, что и вы не сможете его раскрыть.

– Да, большого урожая здесь не соберешь.

– Вот именно? Это крепкий орешек!

– О, что касается таких орешков, то я раскалываю их без особого труда. Как настоящая белка! Меня волнует совсем не это. Я знаю наверняка, кто убил мистера Харрингтона Пейса.

– Вы знаете имя убийцы? Но откуда?

– Я определил, кто истинный преступник с помощью ваших подробных ответов на мои вопросы. Вот смотрите, Гастингс, какая получается логическая цепочка. Мистер Харрингтон Пейс был состоятельным человеком. После смерти все его богатство, несомненно, переходит к мистери Хаверингу. Это пункт первый. Племянник, как известно, погряз в долгах. Это пункт второй. К тому же, этот племянник... как бы помягче выразиться... обладает несколько подмоченной репутацией. Это пункт третий.

– Но ведь доказано, что Роджер Хаверинг поехал прямо в Лондон.

– И отсюда мы делаем вывод: мистер Хаверинг не убивал своего дядю. Его следует исключить из числа подозреваемых, ибо он покинул Элмерс-Дейл в шесть пятнадцать, а смерть мистера Пейса, по заключению врача, наступила гораздо позднее. Но ведь есть еще и миссис Хаверинг.

– Но это невероятно! Когда раздался выстрел, рядом с ней была экономка.

– Ну да – экономка. Однако потом она исчезла!

– Ее можно найти.

– Думаю, что нет. Вы не находите, Гастингс, что с этой экономкой вообще что-то не то? Меня это сразу насторожило.

– Вы полагаете, что она сыграла отведенную ей роль, а потом молниеносно скрылась?

– А вот какая роль была ей отведена?

– Ну, вероятно, она должна была впустить в дом чернобородого мужчину – своего сообщника.

– Нет, не в этом заключалась ее задача! Она должна бы-

ла обеспечить алиби миссис Хаверинг на тот момент, когда прогремел выстрел. И никто не сможет разыскать ее, мой друг, по той простой причине, что такой женщины не существовало! «Такого человека никогда не было», – так сказал еще великий Шекспир.

– Это сказал Диккенс, – проворчал я. – Но почему вы думаете, что экономки вообще не существовало?

– Я вспомнил, что до замужества Зоя Хаверинг была актрисой. И вы, и Джапп встречались с экономкой только в малоосвещенной передней, где все было как в средневековом театре – затемненный фон, приглушенные голоса... Ни вы с Джаппом, ни местные полицейские, приведенные мнимой миссис Миддлтон, ни разу не видели экономку вместе со своей хозяйкой. Для опытной актрисы такое перевоплощение не составило большого труда. Под предлогом доклада своей госпоже она поднималась по лестнице, наверху быстро переодевалась в блузку кричащего цвета и надевала парик. Несколькими молниеносными движениями с лица стирался грим, и вниз шла блистательная Зоя Хаверинг со звонким голосом. Никому из вас не пришло в голову повнимательнее присмотреться к экономке. А почему? Потому что вы ее ни в чем не подозревали. Ведь у нее было алиби.

– Ну, а найденный револьвер? Сама-то миссис Хаверинг не могла бросить его на станции.

– Нет, не могла. Это сделал Роджер Хаверинг, допустив при этом серьезную ошибку, которая и навела меня на правильный след. Человек, совершивший убийство сорванным со стены револьвером, постарался бы тут же от него избавиться. Он ни в коем случае не повез бы оружие

в Лондон. Нет, тут цель ясна. Преступники хотели отвлечь внимание полиции как можно дальше от Дербшира; они вообще стремились максимально запутать следы. Естественно, мистера Пейса застрелили вовсе не из того револьвера, который был найден на станции Эйлинг. Роджер Хаверинг выстрелил из него для проформы один раз где-нибудь в лесу и привез с собой в Лондон. Здесь он сразу направился в клуб, чтобы обеспечить себе алиби, потом на пригородном поезде доехал до Эйлинга – это заняло не более десяти минут – и выбросил там пакет, после чего хладнокровно убил мистера Пейса – вспомните, ведь его, кажется, застрелили в затылок? Еще одна немаловажная деталь! Затем она снова заряжает пистолет, вешает его на стену и начинает готовиться к той маленькой комедии, которую вскоре разыграет для вас.

– Невероятно, – ошарашенно воскликнул я, – и это все...

– И это все правда. Увы, мой друг, так оно и было! Но как теперь довести эту шустрюю парочку до суда, вот вопрос. Ну, Джапп сделает все, что в его силах – я написал ему подробное письмо, но у меня есть опасение, что в этой ситуации мы можем оказаться бессильны.

– «Зло цветет так же пышно, как и зеленое лавровое дерево», – продекламировал я.

– Но как дорого все это обходится, Гастингс. Ведь за все надо платить!

Версия Пуаро звучала убедительно. Однако Джапп, убежденный в правильности слов моего друга, все же не сумел отыскать достаточных доказательств для вынесения обвинительного приговора.

В итоге убийцы унаследовали огромное состояние своей жертвы. Но меч Немезиды покарал все же и их. И когда я однажды прочитал, что мистер Роджер Хаверинг и миссис Зоя Хаверинг погибли в авиакатастрофе недалеко от Парижа, то подумал о высшем суде, воздавшем им, наконец, должное.

Пер. Д. Миронова

Издание подготовлено кооперативом "Светок"

Над двадцать вторым выпуском "ПиФ" работали:

Ответственный за выпуск - О.Аржавинков

Гл. редактор - М.Пудовкин

Редактор - Н.Мухин

Тех. редактор - Л.Юкитулино

Административная группа:

А.Звягин, Е.Соловух, М.Злобина, Г.Ходжаев

Художники - Т.Зюказова, М.Гамханова

Компьютерная верстка МП "ФРАКТАЛ"

**ПиФ. Приключения и Фантастика: Сб.остросюжетных рассказов.
Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы
и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.**

**Свердловск: Кооператив "Светок" 1991 - 32 с. Печать офсетная.
Узел. печ. д. 4,0. Уч. надл. 4,42. Заказ N Тираж 75 000 экз.
Цена 2 руб.
Подписано к печати 10.10.91.**

**Кооператив "Светок"
Типографии г.Каменск-Уральский**

**Наш адрес: 620219 г.Свердловск, ул. 8 Марта, 205,
строение 2.
Телефон 25-25-51.**